

ТАТЬЯНА Устинова

— первая среди лучших —

Гений пустого места

Татьяна Устинова

Гений пустого места

«ЭКСМО»

2006

Устинова Т. В.

Гений пустого места / Т. В. Устинова — «Эксмо», 2006

Их было четверо, друзей-студентов, и все тезки – Димы. Все жили в подмосковном научном городке, в советские годы называемом «наукоградом». Двое из них ушли в бизнес, двое остались в науке. И вот одного из них, Дмитрия Кузмина убили, причем во дворе дома, где жил другой Дима, его начальник Пилюгин. И того арестовали по подозрению в убийстве Кузмина. Третий друг, Митя Хохлов, не верит, что убийца Пилюгин. Он хочет установить истину, невзирая на свои невзгоды – кражу из его офиса ста тысяч долларов, личную драму, ну, допустим не очень серьезную, скорее досадную. Очередная возлюбленная довела его до ручки. А тут еще их общую подругу Арину избил какой-то хмырь, якобы из-за денег Кузмина, который незадолго до смерти сделал ей предложение и говорил, что жутко разбогател. Если его убили из-за денег, откуда они взялись у простого ученого, и кто мог знать о них? Только кто-то близкий... И Хохлов решил установить, кто убийца и кто вор?

© Устинова Т. В., 2006

© Эксмо, 2006

Татьяна Витальевна Устинова

Гений пустого места

*Пусть сопутствуют вам всегда теплые слова в холодный вечер,
полная луна в темную ночь и дорога с холма к порогу вашего дома!*
Ирландский тост

...И еще она сказала, чтобы он отправлялся к своей мамочке или куда угодно, и Хохлов поехал к Лавровскому.

Не ехать же в самом деле к родителям!..

Метель мела, «дворники» не справлялись, Хохлов ехал медленно, время от времени тер рукой запотевшее стекло и растравлял свои раны.

Давно нужно было все это дело закончить!.. Сто раз говорил себе, что уже пора, но у него все никак мужества не хватало, и вот до чего дошло – они стали ссориться так, что она его выгоняет!

Какой ты мужик!.. Тряпка ты, и больше ничего, вот и езжай теперь к Лавровскому, а там еще неизвестно, как примут! Да и что значит – примут! Принять-то, конечно, примут, но не станешь же там жить целую неделю с чужими чадами и домочадцами, когда уже можно помириться с Галчонком и вернуться домой!

Давно нужно было все это дело закончить, ох, давно!.. По большому счету, лучше бы и не начинать!

Тут Хохлов засмеялся, перестал тереть стекло, прицелился, чтобы не угодить под «КамАЗ», и повернул налево, в переулки. Впрочем, в их городе все, что не центральная улица, бывшая Ленина, а теперь имени Жуковского, – это переулки.

До Москвы рукой подать, если до Кольцевой, то всего выходит километров двенадцать, а вокруг провинциальная глушь, и близость столицы ощущается только по красному мареву, которое колышется на горизонте в той стороне, где мегаполис ворочается и ревет в своем ложе, как будто там непрерывно горит невиданное северное сияние.

Повернув, Хохлов перестал видеть сияние. Теперь перед ним лежала тихая, спящая в сугробах улочка, с двух сторон обсаженная липами и застроенная хрущевскими пятиэтажками.

Где дом-то? То ли этот, то ли вон тот, рядом с помойкой! Вечно он путает и никак не может запомнить! Впрочем, это и немудрено, если все вокруг одинаковое – и липы, и дома, и помойки, а фонарь, сколько себя помнил Хохлов, всегда горел только один, на углу, возле школы. Он и по сей день там горит, освещает въезд во двор и несколько торчащих из снега прутиков акации. Эти прутики когда-то во втором классе они ломали, привязывали на них бумажные цветы и маршировали с ними на Первомайскую демонстрацию. Тогда так было принято – на Седьмое ноября, день пролетарской революции, прикалывать к драповому пальтецу красный бант, а на Первое мая, день пролетарской солидарности трудящихся, навязывать на голые ветки бумажные цветы. Все считали, что это очень красиво, и Хохлов тоже так считал.

И вообще ему нравилось ходить на демонстрации, кричать «ура» и размахивать цветами.

Так дом-то какой, черт бы его взял?!

Тут ему пришла в голову гениальная мысль, что хорошо бы позвонить, прежде чем ехать ночевать к старинному другу, обремененному супругой и потомством, а заодно и спросить номер дома, но Хохлов, продолжая и в машине полемизировать с Галчонком, как-то позабыл о таком простом решении.

Он приткнулся под фонарем, выудил из кармана нагретый мобильный телефон, ошибаясь, потыкал толстым от перчатки пальцем в кнопки, все равно не попал, сдернул перчатку зубами и нажал нужную кнопку.

– Алло!

– Диф, эфо я, Фофлов.

– Алло? – с недоумением переспросил Лавровский.

Хохлов выплюнул перчатку и сказал, что он поссорился с Галчонок, а теперь еще и Димкин дом потерял, и где он, этот самый дом, чтоб ему пусто было!

– Хохлов, это ты, что ли?!

– Нет, – мрачно сказал тот. – Ни фиги не я.

– А... чего ты звонишь по ночам?!

– По каким еще ночам?! Время полдевятого только!

– Да ты что?! – поразился Лавровский. – А я думал, что уже... а-а-а... – И он вдруг откровенно зевнул в трубку.

– Говори быстро номер дома, – приказал Хохлов, – долго я еще тут буду стоять?

– Во... восемь, – с некоторой заминкой ответил Лавровский, но Хохлов был не настолько деликатен, чтобы заминки его смущали. – Квартира сорок пять. А где ты стоишь?

– Возле школы, – буркнул Хохлов. – Давай чайник ставь, я уже поворачиваю.

И он сунул телефон в карман, еще немного поскреб стекло, которое совсем запотело от его разговора и дыхания, и повернул во двор. Нет, нужно менять машину. Менять, менять, и никаких гвоздей! Завтра же поедет в салон и выберет себе... выберет... так, значит, завтра он поедет и выберет...

Приткнуться было некуда – снегом завалило весь двор, и машины стояли в один ряд, а какой-то удалец свою почти что на березу взгромоздил. Хохлов остановился и огляделся. И куда теперь?..

Завтра же он поедет в салон и выберет себе... трактор! А что? Милое дело на тракторе кататься! Раз уж национальная зимняя одежда у нас шапка с ушами и тулуп с валенками, значит, национальной зимней машиной у нас должен быть трактор!

Пришлось встать возле самой помойки. Завтра с утра сюда потянутся пенсионеры с ведрами и будут его ругательски ругать, потому что прямой доступ к такому замечательному месту практически перекрыт, а еще с рассветом на помойку слетятся голуби, божьи птички. Голуби изгадят всю машину, кляксы помета замерзнут и впечатаются в краску, и не отмыть их будет, не оттереть, и придется Хохлову с голубиными метками ездить!..

Впрочем, недолго, ибо завтра он купит трактор и будет ездить на нем.

Хохлов выбрался из машины как раз в ту сторону, где в рядок стояли ящики, и сразу же почувствовал непередаваемый запах, который не мог заглушить даже ядреный русский мороз.

Тут телефон у него зазвонил, и он подумал, что вдруг это Галчонок одумалась и можно теперь поехать домой переночевать, а к Лавровскому не переться!

Звонила мать.

– Митя?

– Вася, – представился матери Хохлов.

– Мить, ты где? Я домой звонила, а там никто трубку не берет!

Галчонок страдает и не отвечает на звонки, понял Хохлов.

– А я... к Димке поехал, мам. Нам поговорить нужно.

– К Лавровскому?

Хохлов промолчал. Он терпеть не мог, когда ему задавали такие вопросы. Все ему казалось, что таится в них ущемление его свободы и вообще поражение в правах. Ну какая разница, к какому именно Диме он поехал?! Матери до этого что за дело?! Ее сыночку сорок лет скоро, а она все спрашивает, все выясняет, все беспокойство проявляет! Зачем, зачем?.. Сидела бы перед телевизором, смотрела бы телеканал СТС, пила бы свой смородиновый чай да перекликалась с отцом, который в последнее время стал глуховат, – отличная жизнь!

– Мить, а когда ты вернешься?

– Куда... вернусь?! – Ему вдруг показалось, что мать знает о его ссоре с Галчонком, и он насторожился.

– Ну, домой-то когда поедешь?

– А что такое?

– Да не ездил бы ты по ночам, – с сердцем выговорила мать. – Сам знаешь, какая нынче обстановка.

– Какая обстановка, мама?!

– Криминогенная, – твердо сказала она. – А криминогенная обстановка очень опасная.

– Все будет хорошо, – уверил ее нежный сын. – И не приставай ко мне, мама!

Она вздохнула.

Когда она задавала дурацкие, с его точки зрения, вопросы, он раздражался до невозможности.

А когда она вздыхала, он чувствовал себя скотиной и раздражался еще больше.

– Мам, пока, – скороговоркой произнес Хохлов, – отцу передавай привет и скажи, чтобы он сам подфарники не ставил, я завтра пришлю кого-нибудь, и машину отвезут на сервис.

– Какой еще сервис, Митя! Это же очень дорого! Папа отлично сам поставит в гараже!

– Мама, я знаю, как он поставит! Сделает на соплях, а потом все равно придется в сервис ехать!

– Митенька, он машину водит уже пятьдесят лет, и, я думаю, он знает...

– Мам, короче, все. Завтра у него машину заберут и завтра же вернут, поняла?

– Поняла, – ответила мать тихо, – все поняла.

Хохлов перелез через сугробы на более или менее расчищенную дорожку и зашагал к подъезду.

Неужели в таком возрасте я буду на них похож?! Да быть того не может! Неужели я тоже не буду слушать разумных советов, все стану переиначивать по-своему, отказываться от того, чтобы мои дети решали за меня все проблемы, а я бы тихонечко сидел в углу и пил свой смородиновый чай? Неужели я тоже буду таким упрямым и перестану понимать жизнь, и меня придется все время тащить в светлое будущее, как мула на веревке, а я превращусь в ретрограда и старую перечницу?! Не может, не может такого быть!.. И чего им не хватает?! Всего им хватает! И ничего не нужно – сын обо всем заботится! И решать ничего не приходится – сын давно уже все порешал, и затруднений никаких у них быть не может, потому что он, Хохлов, давно уже ликвидировал все затруднения в их жизни!

Вот так примерно думал тридцативосьмилетний Дмитрий Хохлов, оскальзываясь на ледяной дорожке, которую экономный дворник лишь слегка поперчил песочком, и невдомек ему было, что все вопросы, которые он себе задает, давно уж заданы, и ответа на них нет и быть не может, и великий русский писатель Тургенев даже книжку на сей счет придумал и назвал ее «Отцы и дети»!

Хохлов уже потянул на себя скрипучую подъездную дверь, когда телефон у него снова зазвонил.

Не иначе отец с разъяснениями, что на сервис он никогда в жизни не поедет, а будет сам в гараже на морозе ковырять свою машину, и вообще, врагу не сдастся наш гордый «Варяг»!..

Звонила Арина.

– Ты чего? – не поздоровавшись, спросил Хохлов и придержал дверь, чтобы она не стукнула его по лбу.

– Привет, Мить.

– Здорово.

На том конце тихонько вздохнули, но он услышал.

– Ну что?

– Да ничего особенного, – сказала Арина с досадой. – Кузя решил на мне жениться, представляешь?..

– Как?! – поразился Хохлов.

– Как, как! Обыкновенно! Как люди женятся?

– Кузя решил на тебе жениться?! – переспросил Хохлов, будто не веря себе, и захохотал.

– Мить, ты хочешь, чтобы я обиделась?

– Ничего ты не обидишься, – уверил ее он. – Ерунда какая!.. А Кузя что? Предложение сделал?

– Представь себе, сделал!

– Ну, он же говорил, что после Катьки-заразы ни на ком больше никогда не женится!

– Это он раньше так говорил, а теперь говорит, что... ну, короче, он просит меня выйти за него замуж.

– А ты что?

Она опять вздохнула:

– А я не знаю. Вот тебе звоню. Чтобы посоветоваться.

– Да чего советовать, – грубо сказал Хохлов. – Ну если хочешь, выходи за него замуж, да и все. Подумаешь, бином Ньютона!..

– Да я сама не знаю, хочу я или нет!

– Ариш, – сменив грубый тон на проникновенный, произнес Хохлов. – Ну, мы же все знаем, что он сумасшедший. Ну хочешь замуж – выходи, но чтобы никаких иллюзий, поняла?!

– Каких иллюзий, Митя?

– А никаких! Выбрала психа, значит, будет у тебя муж-псих! Все равно ты его никогда не перевоспитаешь и нормальным не сделаешь! Превратишь свою квартиру в дурдом и будешь в нем жить со своим мужем-психом. Вот так. И никаких иллюзий.

Тут она вдруг заплакала, и Хохлов совершенно не понял, из-за чего. Ничего такого он ведь не сказал!..

– Все вы, мужики, сволочи и придурки, – всхлипывала она.

– Да это понятно, – подтвердил Хохлов, и она положила трубку.

Ничего. До завтра авось замуж еще не выйдет, а с утра он ей перезвонит, и они все обсудят.

Кузя сделал ей предложения, поди ж ты!.. Поднимаясь по лестнице, где третья ступень была отколота, а последняя торчала вверх, как неправильно выросший зуб первоклассника, Хохлов даже головой покрутил. Эк его разобрало, Кузю-то!.. Впрочем, удивляться нечему. Катька-зараза бросила его уже лет восемь назад, но жизнь идет, нужно как-то устроиваться, так почему бы и не жениться ему на Арине Родиной?! Никакая «новая» женщина за него уж наверняка не пойдет, а Аришка своя и замуж никогда не ходила, самая подходящая для него партия!..

Рассуждая таким образом, Хохлов довел себя прямо-таки до белого каления и, когда Лавровский открыл дверь, уже пребывал в состоянии быка, который роет копытом землю и готов боднуть первого, кто попадется ему на рога, хоть своего собрата-быка, хоть матадора, хоть забор.

Лавровский на пути был первым.

– А ты чего, спать, что ль, в полвосьмого ложишься?! Как в голландском городе бюргеров?!

– Мить, ты чего?

– И двор ни хрена не чищен! Или у жильцов денег не хватает дворника нанять?!

– Митя!

– Если не хватает, так я могу ссудить! Только на дворника и по карманам не тырить! Машину некуда поставить, твою мать...

– Дмитрий, – громко перебила его излияния жена Лавровского Света, появляясь в тесной прихожей. – Я прошу тебя не выражаться. У нас дети.

– Ах, пардон, пардон! – вскричал Хохлов. – Прощения просим! Недоглядел! Ошибся! Больше не повторится!

– Митька, – миролюбиво сказал Лавровский. – Ну чего ты ерепенишься? Поругался со своей, и ладно!.. Мы-то ни в чем не виноваты!

Виноваты были все – и Лавровские с их детьми, и родители с их машиной, и Арина с Кузей.

– Ты останешься ночевать? – спросила Света. Голос был недовольный, и это тоже понятно.

Кому охота суетится, организовывать «спальное место», до полшестого прислушиваться к кухонным разговорам и звону стаканов, до полседьмого старательно зажимать глаза, когда гость лезет через «большую комнату», где спят хозяева, в туалет! А утром встать помятой, невыспавшейся, разбитой, быстренько ликвидировать на тесной кухне последствия возлияний, быстренько собрать детей в школу, сушить одежду муженьку, который сидит на краю тахтюшки в трусах, таращит мутные глаза и невыносимо воняет перегаром! Да и неизвестно, насколько гость прибыл, может, на три дня, а может, на неделю! По молодости бывало и так, что они по месяцам друг у друга ночевали, когда ссорились с женами и начинали «жизнь заново»!

– Светик! – провозгласил Хохлов. – Я все понимаю, но деваться тебе некуда. Твой муж работает на меня, и поэтому я тиран и самодур и с подчиненными веду себя как хочу. Сегодня я изволю у тебя ночевать, и ничего ты с этим поделать не можешь!

– Какой я тебе подчиненный! – себе под нос пробормотал Лавровский.

У него была «особенная гордость», и этой гордости трудно было смириться с тем, что Хохлов платит ему деньги. Вот трудно, и все тут!..

– Наш Кузя сделал Арине Родионовне предложение, – сказал Хохлов, нагнулся и стал искать тапки под обувной полкой. Вытащил серые от пыли и не стал надевать.

– Да ты что? – изумилась повеселевшая Света. – Ну... и отлично! Они хорошая пара, и, в конце концов, ей замуж давно пора!..

Тут Лавровский и Хохлов одновременно вскрикнули, но разное. Лавровский укоризненно вскрикнул:

– Света!

А Хохлов:

– Ну, не за Кузю же!..

Света же, напротив, ответила обоим сразу:

– А что – Света? И почему не за Кузю? Ну, если разобраться, он ведь совершенно нормальный мужик! Очень даже хороший! – И она отправилась на кухню.

– И если очень приглядеться, он отличный пацан, – блеснул Хохлов знаниями русской поп-культуры. – Жениха хотела, вот и залетела, лай-лай-ла-ла-лай!

Света моментально вернулась из кухни. Вид у нее был совершенно счастливый:

– Залетела?! Арина залетела от Кузи?!

– Это песня, – объяснил Хохлов. – Я пою, ты что, не слышишь? Лай-лай-ла-ла-лай!

– Не залетела? – переспросила разочарованная Света, по хохловскому лицу она поняла, что ее надежды не сбылись, и вернулась обратно на кухню.

– А откуда ты узнал? – шепотом спросил Лавровский. – Ну, что Кузя предложение сделал?

– От Родионовны, откуда же еще!..

Памятуя о няне великого поэта Пушкина, свою подругу Арину Родину они звали, разумеется, Ариной Родионовной. Звали так уже лет, ну, восемнадцать, и все это время сия шутка их смешила.

– Он мне тоже звонил, – сообщил Лавровский.

– Он – это кто? – уточнил Хохлов. – Тебе тоже «звонил» Арина? Наш «девочка» звонил тебе?

– Кузя звонил. С полчаса назад. Говорил загадками, наверное, из-за того, что жениться собрался.

Хохлов сел на диван. За тонкой дверкой из крашенной под мореный дуб фанеры раздавались голоса. Девочка верещала: «Отдай!», а мальчик монотонно повторял: «Не отдам, не ной!» На кухне Света гремела посудой, и слышимость была такая, как будто она накрывала стол прямо тут, на диване.

Вот интересно, можно накрывать стол на диване?!

Лавровский походил по комнате, зачем-то выглянул в окно, поправил занавеску, вернулся и примостился рядом с Хохловым.

– А откуда у него могут быть деньги, а? – спросил он, и беспокойство, самое настоящее, словно выпавший снег, вдруг покрыло все его лицо и даже длинный нос. – Или он гранты какие-то добыл?

– Кто добыл гранты? – спросил Хохлов и зевнул.

– Я имею в виду Кузю.

– Да какие у него гранты, Дим! Ты же знаешь! Чтобы гранты были, нужно на конференции ездить, в научных журналах печататься, умные речи произносить, с нужными людьми сходиться! А Кузя сидит всю жизнь на одной теме да все толкует про то, что кооператоры родину продали! А раньше толковал, что коммунисты ее продали! Ты чего? Забыл?

– Да я помню, – согласился Лавровский, – но тогда откуда у него деньги?!

– Какие деньги? Полтинник к зарплате прибавили?! Госдума приняла закон о поддержке молодых дарований вместе с поправкой, что отныне молодым дарованием считается каждый научный работник младше восьмидесяти пяти?!

– Ты не ори, – попросил Лавровский и показал головой на кухонную дверь, за которой орудовала Света. – Ты же знаешь, как она... болезненно относится...

Света Лавровская очень переживала из-за того, что ее муж не выбился в олигархи или, на худой конец, в управляющие небольшой нефтяной или алмазодобывающей компании.

– А чего ты пристал, – покорно зашептал Хохлов. – Какие у Кузи деньги, откуда?

– Да я и сам не знаю, – признался Лавровский. – Он мне сегодня сорок минут мозги парил, что у него теперь будет много денег. Может, он на Аринины рассчитывает!

– Приваловские миллионы! – провозгласил Хохлов, позабыв о конспирации. – Миллионер женится на миллионерше, и состояния объединяются!

Света выглянула из кухни.

– Какие миллионы? Вы о чем?

Лавровский отвернулся.

– Я! – сказал Хохлов. – Я никак не могу сосчитать свои миллионы. Что-то много их стало, беда прямо!..

– Вот-вот, – согласилась Света и скорбно поджала губы. – Некоторые зарабатывают, а мой муж только на посылках бегаёт!..

– Светик!

– Да ладно тебе! Вон Хохлов как устроился, сам себе хозяин, и наниматель, и начальник. А ты!.. Ведь какие надежды подавал, какие надежды!

Хохлов уж был не рад, что затеял этот разговор, не рад, что помянул дурацкие «приваловские миллионы», не рад, что приехал и бросил на помойке машину, а еще ведь придется здесь ночевать.

Может, к матери поехать?.. Или к Родионовне?.. Небось примет, не выгонит же! В конце концов, он в кресле-кровати может спать, а она на диване или на раскладушке на кухне.

Пожалуй... пожалуй, это мысль.

За псевдодеревянной дверкой послышался звук плюхи, потом была некоторая пауза, а после нее трубный рев:

– Ма-ама! Ма-ама!

И еще голос, несколько встревоженный:

– А я сколько раз тебе говорил – не лезь! Сколько раз я говорил?! А ты все лезешь и лезешь!

Растрепанная девочка в фиолетовой юбочке и спущенных колготках вылетела из «детской», как шикарно называлась в этой семье боковая комнатуха, и пролетела мимо Хохлова с Лавровским.

– Ма-ама! Владик дерется! Он меня ударил!

– А я сколько раз тебе говорил, чтобы ты к нему не лезла!

– А я и не лезла!

– За что же тогда он тебя ударил?

– Я поиграть хочу, а он мне не дае-е-ет!..

– Владик! – закричала из кухни Света. – Владик, пойді сюда немедленно!

– Ну чего, чего надо? Сказал, не дам, значит, не дам! И вообще, это мой компьютер!

– Владик, вы должны играть вместе!

– А зачем тогда мне компьютер купили?! Зачем, а? Чтобы она играла?! Это мой комп, и я на нем играю, когда хочу, а ей не дам!

– Я его выброшу, этот ваш комп! – загремел Лавровский и поднялся с дивана. Хохлов потер лицо. – Это что за война на ночь глядя?! Всем немедленно спать!

– Да что я, малолетка, что ли, чтобы спать в девять?! Вот она пусть и ложится, а я не буду!

– Дети, вы должны играть вместе.

– Я не хочу с ни-им игра-ать! Он дерется-а-а!

– А что ты лезешь?! Что она лезет, пап?!

– Здравствуйте, дети! – громко сказал Хохлов, которому надоел концерт. – Я пришел к вам в гости.

Девочка моментально повернулась к ним спиной, а Владик буркнул:

– Здрасти.

– Клара! – строго сказала Света. – Немедленно поздоровайся с дядей Митей, как следует.

– Не хочу.

– Клара!

– Свет, отстань от нее, – попросил Хохлов. Ему было все равно, поздоровалась с ним Клара или нет.

...угораздило же Кузю свататься к Родионовне! На семнадцатом году знакомства! Впрочем, Родионовна еще молодая, младше их всех лет на пять, ну, может, на четыре. Вот теперь они поженятся, и будет еще одна счастливая пара, вроде Лавровских. Кузя станет тянуть ляжку, а она его пилить за то, что плохо тянет или тянет не в ту сторону.

Впрочем, не будет Кузя ничего тянуть. Он привык жить так, как ему нравится, и Катька-зараза когда-то сказала, что развелась с ним не потому, что он не может быть хорошим отцом и мужем, а потому, что он не хочет, а это слишком обидно.

Если Кузя станет обижать Арину Родину, он, Хохлов, собственноручно набьет ему физиономию.

И что от этого изменится? Ничего не изменится, ровным счетом!.. И это тоже очень обидно.

– Чай готов! – провозгласила Света. – Митя, тебе черный или зеленый?

Хохлов хотел есть и, следовательно, не хотел ни черного, ни зеленого чая, но делать было нечего, и он сказал, что хочет черного. На тесной кухоньке было не уместиться, да еще вместе

с гостем, а накрыто было именно там, и некоторое время все «переезжали» в большую комнату, двигали стол, освобождали его от газет, телефонных счетов и случайных бумажек, под которыми вдруг обнаружился журнал «Женская прелесть». Хохлов, знавший по опыту, что чай дадут еще не скоро, углубился в «Прелесть» и вычитал там, что звезда экрана Елена Прошкина каждое утро купается в своем личном бассейне, гуляет босиком по своему личному саду, даже когда он засыпан снегом, ест только французскую говядину, которую специально для нее выращивают в Нормандии и присылают специальным самолетом почти парную, и запивает ее только итальянским вином, которое специально для звезды доставляют из Италии тоже специальным самолетом, чтобы вино не взбалтывалось и не выпадало в осадок.

– Ишь ты!.. – удивился Хохлов.

Ему казалось, что в здравом уме и твердой памяти никак невозможно проделывать такие штуки, какие проделывала Елена Прошкина, а потому он был уверен, что все написанное – вранье от первого до последнего слова.

Просто в Отечестве в наше время стало модно быть «звездой по западному образцу». Что там у нас дано в образце? Ну, вот это самое вино из Бургундии, виски из Шотландии, личный бассейн, личный самолет, личный замок на берегу Луары или, ладно уж, в Монако. Какой-нибудь смутный и трудно формулируемый порок, например, страсть к шубам из меха шимпанзе или разведение плотоядных цветов. Экзотическое увлечение, что-то вроде прыжков с парашютом или полетов на параплане, но непременно с горы Монблан. Ну, еще повенчаться в православной церкви Иерусалима или принять католичество, и тогда уж в соборе Святого Петра в Риме. Так, что там еще? Ну, подружиться с Пьером Карденом, разумеется, чтоб «как Майя Плисецкая». Можно еще с этими двумя... как же их... с Дольчей и Габбаной и заказывать у них наряды, такие, чтобы на спине бриллиантами была выложена надпись русскими буквами «Герман + Роза», в том случае если «звезду» зовут Розой или Германом. Ну, и еще парк раритетных автомобилей, пара эскизов Ван Гога на даче, а между Ван Гогами фотография самой звезды в вечернем туалете с Джорджем Бушем под ручку.

«Шестисотые», Рублевка и добротные английские костюмы давно устарели, что вы, ей-богу!..

А может, ну его, этот чай? Позвонить Родионовне, да и ехать прямо к ней, авось приютит, не выгонит! Да, а если там... Кузя? Ну, на правах жениха?! Тогда придется к Галчонку возвращаться, да и наплевать, все лучше, чем здесь! О чем он думал, когда поехал к Лавровскому?!

– Клара, давай сахар, Владик, а ты подай дяде Мите чашку. Де-ети! Прекратите!

– Мам, она на меня плюнула!

– Вот сколько раз я просила его не покупать детям компьютер! – в сердцах сказала Света. – Сколько раз! Нет, он все-таки купил и приволок, и теперь из-за этого у нас сплошные ссоры и драки!

– За детьми смотреть надо!

– Вот и смотрел бы! Чего ж не смотришь?!

– Свет, я на работу хожу!

– И я хожу! Все люди ходят на работу, и что в этом такого?! Мить, ну вот ты подумай! Сколько он денег угрохал на компьютер, почти штуку! Приволок, и теперь они по очереди сидят и стреляют. Ну, ничегошеньки больше не делают, и ничегошеньки их не интересует! Дала книжку прочитать, так Владик ее бросил! Дала другую, так он и ту бросил!

– Поздно сейчас давать, – философски заметил Хохлов. – Надо было давать, когда они еще читать не умели, авось потихонечку и привыкли бы! А сейчас зачем она им, книжка-то? По башке друг друга лупить, а больше и незачем!

– Вот-вот, – согласился Света, не уловив никакого подвоха. – И лупят, представляешь! А в школе мне говорят, что он в классе самый безграмотный! Клара, неси сахар. Владик, подай дяде Мите чашку! Дим, а тебе особое приглашение нужно?

Хохлова всегда интересовало, что это за «особое приглашение» такое, и никогда он не мог этого понять! Ладно бы, если бы всех зазывали какими-то обыкновенными приглашениями, а одному требовалось «особое», но ведь всех приглашают одинаково!..

Он придвинулся к столу, взял из рук Владика чашку, с которой тот стоял столбом, очевидно позабыв, кому он должен ее отдать, и пристроил ее на блюдце.

– Чай свежий, – объявила Света. – Утром заваривала, перед работой.

Хохлов вздохнул, налил себе полчашки заварки и добавил кипятку. Чай вышел холодный и невкусный.

– Ма-ам! Я не буду с ним рядом сидеть, он мне на голову сахар сыплет!

– Клара, пересядь к папе! Все из-за проклятого компьютера!

– Я его в спальню заберу, – пригрозил отец семейства, – и без моего разрешения к нему никто не подойдет!

– Не надо было эту дрянь вообще в дом тащить!.. И столько денег за него отдал, лучше бы на отпуск оставил!

– Свет, отстань.

– Да что отстань! У мамы больше года не были, и денег нет, чтобы поехать!

– Да есть у нас деньги, чтобы к твоей маме ехать! – Лавровскому было неудобно, и время от времени он искоса взглядывал на Хохлова, как бы извиняясь. Тот хлебал коричневую жидкость и делал вид, что ничего не замечает.

– Ты мне комп подарил, – встрял сын Владик. – Значит, он мой и есть! И ты права не имеешь забирать его в спальню!

– Если вы будете из-за него драться, заберу!

– А я тогда из дома убегу!

– Владик, ну что ты болтаешь? Митя, может, ты поесть хочешь, а я даже не предложила!

– Нет! – испуганно сказал Хохлов. – Не хочу.

Света посмотрела на него, как будто в раздумье.

– А ты чего приехал? – вдруг спросила она. – С Галкой поругался?

– Галка села на заборе, – произнес Хохлов, которого весь вечер тянуло на цитаты, – и сказал ребятам Боря просто так!..

– Ты бы женился на ней, – посоветовал Лавровский добродушно. – Жили бы, как все люди! А то, что ни неделя, так вы в ссоре!

– Не хочу я, как люди, – еще больше перепугался Хохлов. – Что хорошего-то?

– А бобылем лучше? – мягко сказала Света.

Почему-то, если разговоры заходили о женитьбе, неважно о какой именно, даже такой несостоятельной, как его женитьба на Галчонке или Кузина на Родионовне, все друзья и подруги приходили в необыкновенно лирическое состояние, смотрели добрыми глазами и говорили добрыми голосами. Вот этого Хохлов решительно не понимал. Жить как все люди – это значит поминутно выражать друг другу неудовольствие, поминутно раздражаться из-за мелочей, поминутно разнимать дерущихся детей и мечтать вырваться хоть на денек на рыбалку или к подруге с ночевкой?! Не хотел он такой жизни, не нравилась она ему!..

– Если хочешь, давай я ей позвоню, Мить, и вы помириться! Ну, я же все про вас знаю! Вы жить друг без друга не можете и ругаетесь поэтому!

Тут Света ни с того ни с сего прислонилась к Лавровскому плечом и даже как будто нежно потерлась. Тот слегка потрепал ее по затылку и отстранился. Ему было неловко, и Хохлов отлично понимал, отчего ему неловко.

– Позвонить, Мить? – И она даже приподнялась, чтобы бежать к телефону и мирить Хохлова с его подругой.

Это было «интересно». Гораздо «интереснее», чем разбирать домашние дразги и накрывать на стол.

– Боже сохрани, – сказал Хохлов и допил невкусный чай. В животе, куда тот пролился, как-то скорбно засосало, и показалось, что это ветер засвистел. Все-таки Хохлов не ел с самого утра, да и на завтрак ничего вкусного не было. Галчонок ленилась готовить, и Хохлов, как правило, довольствовался невразумительным мусором, состоящим из фруктовых очисток, отходов от обмолота злаковых и изюмной крошки, которая скрипела на зубах, как песок. Мусор продавался за деньги и назывался «Мюсли».

Фу, какое слово противное! Тоже скрипящее на зубах.

– Ну ладно, бойцы! – сказал Хохлов и поднялся. – Вы тут допивайте, спасибо вам за любовь, за ласку, а я поехал.

– Ты разве ночевать не будешь? – обрадованно спросила Света.

– Нет.

– Я тебя провожу, – решительно сказал Лавровский. – И зря ты, Мить! Оставался бы!..

– Куда ты пойдешь его провожать?! Десятый час! Он что, маленький?! Не дойдет до своей машины, что ли?

– Свет, угомонись! Я на пять минут выйду и вернусь.

Она посмотрела на одного, потом на другого. И поджала губы:

– У вас какие-то тайны?

– Нет у нас никаких тайн. Ты лучше детей спать положи, а я через пять минут приду!

Она помолчала и сказала:

– Тогда мусор захвати. У дверей пакет, на кухне пакет, и я еще сейчас из ведра достану.

– Свет, я завтра мусор вынесу!

– Завтра ты на работу уедешь, и я опять все попру сама! Знаю я, как ты завтра вынесешь! Давай бери пакеты и иди!..

– Мама, он мне в чай соль насыпал!! Ма-ама!

– Дурдом, – сказал Лавровский и пошел на кухню за мусором. Хохлов быстро обувался. Но что ни говори, жениться по любви не может ни один, ни один король!

Ну, вот, например, Лавровский. Женился по безусловной и пламенной любви. Они даже встретились очень романтично, как в кино семидесятых, то ли на выставке картин, то ли на симфоническом концерте.

Нет, кажется, на выставке, потому что Лавровский всегда очень хорошо рисовал, «подавал большие надежды» и в этом отношении тоже, и однажды расписал сказочными картинками стены в студенческой столовой, за что получил повышенный «общественный балл» от деканата.

Они встретились, и случилась у них любовь, как все в том же кино. Светка была похожа на всех тогдашних героинь – худенькая, большеглазая, стриженная «под Мирей Матье». Носила джинсы и водолазки, чудесно пела, чудесно играла на гитаре и смеялась нежным заразительным смехом. На Лавровского она смотрела снизу вверх, как будто обожала глазами, и внутри ее зрачков горели ласковые золотистые искры. Он покупал ей осенние лохматые астры, и на подольской электричке они ехали в Царицыно и гуляли там меж старинных развалин, и она прятала лицо в свои лохматые астры, и, когда поднимала голову, отсвет от цветов ложился ей на щеки. По пруду плыл желтый лист, в высоком и холодном небе стояли редкие облака, и вся жизнь еще только начиналась.

Хохлов был уверен, что эти-то уж точно сохраняют любовь навсегда, именно такую, как в кино, и этот царицынский парк словно являлся гарантией того, что все будет хорошо.

Жизнь началась, и продолжалась, и продолжается до сих пор, только все изменилось так же непоправимо и однозначно, как непоправимо и однозначно было то, что юность больше никогда не вернется.

Надежды не оправдались. Лавровский подвел, и царицынский парк подвел тоже.

Грянула революция, девяносто первый год пришел и смел все, что было до него, а щенят, только что окончивших институты, таких, как Хохлов, Лавровский, Кузя и Димон Пилюгин, четвертый из их студенческой компании, и вовсе не пощадил. Они кинулись врассыпную, продолжая твердить друг другу, что их дружба навсегда, что «уходит бригантина от причала», что «не стоит прогибаться под изменчивый мир», что они сильнее, и они смогут.

Ну, и на самом деле, по большому-то счету, смогли – никто из них не умер, не погиб в девяносто третьем у Белого дома, хотя все туда бегали и изо всех сил лезли на рожон, не спился, не стал законченным наркоманом или бандитом. Все потихоньку гребут и выгребают против течения, может, кроме Кузи, который всегда жил только в соответствии со своими законами, единственными, которые почитал «разумными»!

Лавровскому оказалось труднее всех, потому что он был художественно одарен, а такой дар не нужен «в эпоху перемен», как все привыкли называть то смутное время, в котором жили.

После института он некоторое время побыл военным инженером, но натура художника бунтовала против ограничений, когда все по уставу, да и армия начала разваливаться так стремительно, что никто не успевал подбирать куски и латать дыры.

Из армии пришлось уйти, и наступили тяжелые и голодные времена. Лавровский пошел было торговать на биржу – тогда все ходили на биржу и чем-то там торговали, – но немного опоздал. К тому времени, когда он влился в армию торговцев воздухом, все сливки уже были сняты, поделены и частично проедены и вложены в малиновые пиджаки и пригнанные из Германии «мерины», вошедшие в моду. Что-то он заработал, конечно, и пиджак себе завел, не малиновый, но зато в полоску, и машину купил, и научился кататься на горных лыжах, и поехал на курорт.

Света осталась в Москве – Владик был еще мал, с кем его оставишь?..

Там, на курорте, Лавровский познакомился с разными отчаянными парнями и длинноволосыми девушками, каких никогда не видел раньше... в прежней жизни.

Девушки водили машины, катались на лыжах, курили длинные коричневые пахитоски со странным английским словом на пачке – на отечественный манер оно звучало, как «море». С этим самым «морем» в зубах, шикарные, как картинки из иностранных журналов, с кольцами в ушах и блестками на веках и щеках, они сидели на открытых верандах высокогорных отелей, пили коньяк, хохотали и встряхивали волосами, и в их хохоте и встряхивании было нечто недоступное, порочное и очень притягательное. Лавровского они будоражили, как подростков будоражат эстрадные звезды, отделенные от внешнего мира прочным, словно алмаз, стеклом телевизионного экрана. Он стал плохо спать, просыпался в испарине, был разбит, раздавлен и катался из рук вон плохо.

– Митька, – сказал он однажды Хохлову, который тоже тогда потащился с ним на курорт, – ты понимаешь, Митька?!

– Нет, – ответил прозаический Хохлов, который на прекрасных одалисок не обращал никакого внимания и только и делал, что катался, и все время – по черным и красным трассам.

– Как же так, Митька!.. Нам ведь уже скоро по двадцать семь стукнет, а мы не видели никакой жизни! Никакой, ты пойми!.. – В глазах у Лавровского была тоска, настоящая на местном французском коньяке и русском комплексе собственной неполноценности.

– Какой жизни мы не видели?..

– Ты пойми, Митька, – продолжал убиваться Лавровский, – нам даже нечего предложить, чтобы хоть одна из них нас оценила!

Тут как раз «одна из них» проходила мимо, и белоснежный лыжный костюм, какого невозможно было достать в Москве, сиял на солнце, и темные очки сияли, и волосы летели по ветру, и лыжи за ней нес какой-то верный паж, писанный рекламный красавец, и тревожный запах ее духов будоражил ноздри и мозг, раздражал, соблазнял.

– Кто нас должен оценить? – осведомился Хохлов, который прикидывал – съехать еще раз или переключиться на горячий грог и глинтвейн. – Вот эти, что ли?

И он непочтительно, щетинистым русопятым подбородком указал на нее, ту, что не просто проходила мимо, ту, что нес по волнам волшебный и волнующий ветер другой, прекрасной и необыкновенной жизни.

– На них известно как производить впечатление, – продолжал приземленный Хохлов, нагнулся и стал расстегивать крепления. – И вполне известно, что им можно предложить! «Зеленых» побольше, желательно несколько кило, и твое дело в шляпе! Некоторое время можно не беспокоиться: пока «зеленые» не пойдут на убыль, ты будешь производить на нее самое светлое впечатление, как дедушка Ленин на молодых коммунистов. А что? Ты хочешь попробовать?

Лавровский ничему не поверил – ни подбородку, презрительно выпяченному в сторону волшебницы, ни гадким словам. Не поверил, и все тут.

Он стал их рисовать, этих красавиц, словно сошедших или нет, вспорхнувших со страниц залетных американских журналов, которые в пору их молодости попадали в триста сорок-пятьдесят физическую аудиторию. Их в то время под полой приносил кто-то из студентов, у которого друг был сыном торгпреда или подруга дочкой дипкурьера, что-то в этом роде.

Лавровский рисовал их день за днем, осунулся и пожелтел, но снискал к себе внимание со стороны одной из них. Она скучала без своего миллионщика, и Лавровский, эдакий Чайльд Гарольд, привлек ее непостоянный и капризный интерес.

Грянул роман.

Да еще как грянул!.. Горные вершины содрогнулись, лавины покатались и накрыли долины, солнце повернуло вспять и вместо того, чтобы падать за горы, стало падать вверх, вверх, все время вверх!..

Света в ее джинсиках, с прической «под Мирей Матье», большеглазая, любившая песенку про бригадину, что поднимает паруса, была забыта начисто. Забыт был также маленький Владик, и все их заботы стали казаться мелкими и пустяковыми, мещанскими и глупыми по сравнению с той любовью, которая накрыла мужа и отца.

Какие там мечты о квартире, пусть однокомнатной, но зато своей!.. Какая, к черту, разница, что именно сказал на совещании Петрунько и что ему ответила на это язва Панкратова!.. Что ему, Лавровскому, может быть за дело до вредной директрисы детского сада, которая вымогала взятку, и непременно портьерами для актового зала!

Всепоглощающая вселенская вертеровская страсть продолжалась дней пять – вот как много!

Занудный Хохлов прогнозировал окончание романа через три дня и просчитался.

Лавровский ничего не замечал. Целые дни он проводил в постели, нежа и лаская свою волшебную возлюбленную. Он все пел ей колыбельные песенки, укачивал на руках, баюкал и прижимал к сердцу, которое все время нестерпимо болело – от любви.

Потом ей на мобильный телефон позвонил ее миллионщик, она в два часа собралась и уехала – как и не было ее!..

Лавровский, оглушенный свалившейся на него бедой, даже толком не понял, что произошло.

Он растерянно усаживал ее в такси и заглядывал в глаза, жалобно, как собака, которую собираются топить, и она, собака, понимает, что вот эта рука, вот эта самая, обожаемая, знакомо пахнущая, единственная в мире рука, самая верная и сильная, самая необходимая на свете, сейчас убьет ее. Понимает, но ничего не может поделать, потому что любовь сильнее инстинкта самосохранения – утонуть можно, а убежать нельзя – куда побежишь, когда жизнь есть только вблизи этой руки, а все остальное мученическая мука!..

– Димасик, – деловито сказала его волшебница, счастье и смысл его жизни. – Ты, смотри, в Москве не вздумай меня искать или, боже тебя сохрани, звонить! Ты же у нас мальчик... того... романтический. Вовасик тебя тогда убьет, и все, понимаешь? Понимаешь, Димасик?

Лавровский тупо кивнул.

– Ну вот, ну вот и умница, – прощепетала чертовница. – Ты же хороший мальчик, да? Все мальчики любят своих девочек, да? Но когда приходит время, они своим девочкам не мешают, не ищут их, не пристают... Димась, а ты телефончик мой знаешь?

– Нет, – сказал Лавровский. – Откуда? Ты же мне его не давала.

– И не надо, и правильно, что не дала. – Она уже уселась в машину, расправила складки диковинной белой шубки, подняла на лоб очки и пробормотала себе под нос: – Да ладно, не беда, прилечу в Москву, поменяю, в первый раз, что ли!..

Потом повернулась к распахнутой двери, у которой на пыточном огне горел несчастный Лавровский, и почмокала губами в воздухе, посылая поцелуй:

– Димасик, пока! Я тебя очень люблю.

Потянула дверь, прихлопнула, и такси тронулось, увозя ее в сиянии зимнего дня, в сверкании снегов, в шуршании лыж и веселом гомоне незнакомых языков.

– Укатила краля-то? – спросил подошедший прозаичный, как двугривенный, Хохлов. – Ну, поздравляю тебя!

– А? – переспросил Лавровский. В голове у него шумело, и видел он плохо.

– Поздравляю тебя, Шарик, – громко сказал Хохлов, – ты балбес! Ну? Пошли, что ли?

И он увел несчастного в ресторан, и оставшиеся три дня они безостановочно пили водку, коньяк, шнапс и граппу, и потом Хохлов еще заплатил астрономическую сумму за тот коньяк, который «Димасик» и его волшебница пили в номере, и это было так ужасно, так отвратительно, так гадко, что Лавровский решил было покончить с собой, но не покончил.

А как же Светка с Владиком?! Что они станут делать, если он покончит с собой?! Как они будут жить, они же неприспособленные! Владик малыш, а Светка любит песню про бригадину, носит свитера с высоким горлом и искренне считает, что делает полезное дело в том самом НИИ, где с понедельника по пятницу рисует на кульмане линии!..

Разве же оставишь их, таких... слабых и беззащитных?!

И Лавровский не покончил с собой. Вернувшись, он пожил у Хохлова еще с недельку, отговариваясь тем, что отпуск себе продлил потому что там, на курорте, сильно простудился.

– Ты осторожнее, Дим, – кричала в трубку Света, не подозревая о том, что муж сидит на хохловском диване, – смотри не доводи дело до пневмонии! А Хохлов? Он улетел?

Лавровский соглашался, что улетел.

– И бросил тебя одного? – ужасалась Света. – С температурой?!

Годы шли, грянул и прошел еще один роман, на этот раз с какой-то биржевой маклершей, Лавровский все еще торговал на бирже воздухом. Потом и маклерша куда-то делась, а у Светы родился второй ребенок, и опять началось все сначала – мечты о квартире, пусть и двухкомнатной, но зато своей, в ванной запах пеленок и детского мыла, бутылочки в холодильнике, соски в турке, для стерильности прикрытые марлицей, фруктовое пюре абсолютно поносного цвета и в выходные походы за подгузниками.

Лавровский все пытался рисовать – теперь уже своих детей, – все мечтал, что станет художником, настоящим, востребованным, таким, что британская королева именно ему закажет свой портрет в годовщину коронации. Какое-то время он еще поработал на бирже, потом перешел в рекламное агентство и даже нарисовал там один плакат, который разместили на Кольцевой автодороге. На плакате была изображена красавица, чем-то напоминавшая ту самую первую волшебницу, что потрясла его воображение когда-то давным-давно. Красавица держала на рушнике каравай, который, если присмотреться, оказывался не караваем, а машиной,

а рушник – автомобильной дорогой. Поперек красавицыного живота шла надпись «Столько-то лет дорожной отрасли».

Потом выяснилось, что одно дело рисовать «под настроение» и совершенно другое – рисовать «под заказ», и тут уж выбирать решительно не приходится, что приказали, то и рисуй. Красавицу так красавицу, йогурт так йогурт, фен для волос, значит, фен. А может, кастрюлю или журнал «Бухучет», какая разница!..

Лавровский маялся, рисовал плохо и из-под палки, мечтал о свободе и вольном ветре, о дальних странствиях, горных вершинах, грозе над океаном и понимал, что такую свободу, о которой он мечтает, могут дать только деньги, очень много денег, целые кучи, и желательно – долларов, а добывать их он не умел.

К тому времени Хохлов со своей фирмой окреп и встал на ноги настолько, что завел собственный офис и нескольких сотрудников, поэтому, когда у Лавровского кончились силы рисовать йогурты и журнал «Бухучет», Митя взял Диму на работу. Позабытая всеми бабушка неожиданно умерла и оставила Лавровскому в наследство квартиру в Москве, крошечную и очень неудобную, в старом доме, нависшем над Третьим транспортным кольцом, по которому день и ночь шли машины. Квартиру продали, приложили скудные сбережения и купили жилье в наукограде, где когда-то учились в институте. По московским меркам квартира была дешева и прилична – три комнаты в «хрущевском» доме, спальня, гостиная и детская, вот как!.. И главное, своя, своя!..

И стало понятно, что это... все. Больше ничего не будет, и ждать особенно нечего.

Жизнь удалась.

Поэтому Хохлов, который был гораздо менее талантлив и гораздо более занят, чем Лавровский, очень ему сочувствовал и отлично понимал, почему тот морозной декабрьской ночью тащится его провожать.

Ну и пусть провожает, ничего в этом такого нет!..

Вдвоем они собрали мусорные мешки, некоторое время потолкались в теснотище крохотной прихожей и вывалились на лестницу. Они не разговаривали друг с другом и заговорили, только когда вышли из подъезда, удалились на порядочное расстояние, и Хохлов закурил.

– Позвонить мне надо, – сказал Лавровский виновато. – Ты понял, да?

– Да чего тут непонятного!

– А ты... ночевать хотел, Мить?

– Да ладно!

– Ну и оставался бы! Чего ты ушел-то?!

– Да что я буду вам мешать!

– Ничего ты не мешаешь!

– Я знаю.

Лавровский приостановился, доставая из нагрудного кармана телефон.

– Ты не веришь, – сказал он, высвободив мобильник и нежно прижав его к груди. – Живу, как шпион! Все время помню, что звонок нужно стереть, что SMS-ки тоже надо стереть, компьютер не забыть проверить, чтобы там все... ну, нормально все было! Прямо как собака сторожевая!

Хохлов пожал плечами.

– Хорошо тебе, ты не женатый, – продолжал Лавровский, внимательно следя за лицом друга. Ему хотелось, чтобы его не только не осуждали, но еще и поддерживали. Без поддержки он никак не мог, ну никак!..

– Да, хорошо, – согласился Хохлов и в сто сорок пятый раз за вечер сказал себе, что никогда не женится.

В первый раз он сказал себе это, когда приехал домой и застал у себя в квартире Галчонка и ее маму Тамару Германовну.

– Нет, Мить, ну скажи, как жить?! Ну, как, ей-богу, жить, а? Светка страдает, что денег мало, дети дерутся, я на работе все время! Ну, как тут не...

– Не трахнуть кого-нибудь? – подхватил Хохлов. – Ясное дело, с ума сойдешь не трахнувши!..

– Зря ты так, Митька!

– А чего ты ко мне лезешь?! Чего ты стонешь? Нравится так, ну и живи, как тебе нравится!

Хохлов приостановился, зажал сигарету в зубах и на манер заботливой мамыши поправил на Лавровском клетчатый шарфик. Вторая рука у него была занята мусорным пакетом.

– Давай продолжай, Дима! Все у тебя отлично! А SMS-ку стереть много ума не надо!

– Ты чего, Хохлов? Чего напал-то на меня?!

– А ты вспомни, как на Светке женился! Как ты ее на руках носил, портреты рисовал и обещания обещал!

– Да когда это было?! И что тут такого-то?! Все так живут, и ничего!

– Все пусть живут как хотят, – выговорил Хохлов, как в лицо плюнул, – а ты мой друг! И я этих ваших... финтифлюшек не понимаю! Не понимаю, и все тут!

– Да должна же у меня быть в жизни хоть какая-то радость?! Должна или нет?! Или я только вкалывать обязан и все в дом тащить?!

– Должна, – сказал Хохлов и поставил на снег мусорный мешок. – И если твоя радость только в том и состоит, чтобы налево бегать, плохой ты мужик, Дима. Друг, может, и хороший, а мужик плохой. Ну, надоело тебе все, так разведись ты с ней!..

– Разведись! Легко сказать! А дети? А квартира?

– На квартиру плевать, зарабатываешь, ты же мужик! Детей поделите, будешь деньги давать и с пятницы по воскресенье к себе их забирать!

– Да сколько на это денег нужно!..

Хохлов вдруг словно увидел себя со стороны.

Вот стоят они, оба-два, посреди пустынного заснеженного двора, где дремлют уставшие за день машины, и свет единственного фонаря голубыми полосами ложится на снег, а за полосами темнота и глухомань, как будто там, за границей жидкого света, сразу начинаются тайга и бурелом. Вот стоят они, оба-два, курят и базарят о вечном, ни с того ни с сего базарят, просто так, потому что вожжа под хвост попала и настроение дурацкое, потому что вечер сегодня такой, и они обижаются друг на друга всерьез и в эту минуту всерьез уверены, что эти их дурацкие разговоры могут что-то изменить, улучшить, повернуть в другую сторону!.. Да разве можно хоть что-то изменить?!.

Лавровский все еще продолжал бормотать что-то оправдательное, такое, что, по его мнению, могло бы убедить Хохлова, будто живет он правильно и «должна же у него быть в жизни радость», и Хохлову стало его жалко и стыдно за себя и за свой морализаторский тон.

В конце концов, что он сам знает о жизни?! Ничего. Ровным счетом ничего. Ну, знает, как деньги заработать, да и то так, в известных пределах, а больше... что же?..

– Дим, ты меня того, – перебил он маявшегоса Лавровского, кинул в снег сигарету и наступил на нее. Огонек потух. – Ты меня извини, вот чего. Понесло меня тебя учить, а это все... ерунда.

– Да, но ты меня... не осуждаешь?

– Да кто я такой, чтобы тебя осуждать?!

– Значит, все-таки осуждаешь?

Тут Хохлов опять обозлился, хотя только что решил было проявить христианскую терпимость.

– Да какая тебе разница, осуждаю, не осуждаю?! Ты живи, как тебе надо, а я-то при чем?!

Он обошел свою машину, слегка присыпанную снегом, размахнулся и метнул мешок в мусорный контейнер, как в баскетбольную корзину. Зачем-то отряхнул перчатки, похлопав в ладоши, и полез в машину.

Лавровский метать не стал, подошел поближе и опустил пакеты культурно.

– Ну, бывай, Дим! – Промерзшее сиденье через джинсы обожгло хохловский зад, можно сказать, насквозь пронзило!

И кто это любит русскую зиму, мать ее так и эдак?! Кто это ждет не дожидается первого снега, первого морозца, зимних забав, катания на санях и тройках?! В машину сесть невозможно, ибо процедура эта все время напоминает душераздирающую сцену замерзания во льдах из кинофильма «Красная палатка». Ехать тоже почти невозможно, ибо купленные за бешеные деньги иностранные «реактивы» превращают дорогу в потоки жидкой и скользкой грязи, которая летит в стекла и виснет пудовыми наростами на бамперах. Ходить тоже никак нельзя, потому что Москва, как всем известно, порт пяти морей, еще по совместительству является розой всех ветров, и сырой, промозглый, подлый ветер пробирает до коренных зубов, которые тут же начинают стучать так, что из них выпадают все пломбы. Да и скользко ужасно, как же ходить-то?.. «Реактивы» летят на куртки и ботинки, и ничем их потом не возьмешь, ни стиркой, ни химчисткой, под ногами лед, с крыш течет, в лицо ветер, в транспорте давка гораздо плотнее летней, потому что из-за толстенных зимних одежд люди сильно прибавляют в объеме. Вот уж зимушка-зима, белая береза под моим окном, кто тут у нас последний в очереди на зимние забавы и катания на тройках?!

– Мить, если Светка будет спрашивать, так ты ей скажи, что я... с тобой заговорился, ну и... не сразу домой вернулся.

– Ладно.

– Мить, и если чего узнаешь про Кузю, сообщи мне! Меня Светка поездом съест, если у него деньги заведутся, а у нас нет!..

– Ладно.

– И если...

– Все, я поехал, – объявил Хохлов. – Бывай. И на работу завтра не опаздывай, понял?

– Иди ты на фиг.

Хохлов захлопнул дверцу и потихонечку тронул машину.

В заледеневшем зеркале заднего вида маячил силуэт Лавровского с трубкой, прижатой к уху. Уж дозвонился, наверно. Щебечет.

Хохлов вырулил на пустынную улицу, под тот же самый школьный фонарь, и некоторое время постоял в раздумье, куда повернуть. Направо поедешь – к дому и Галчонку приедешь; налево поедешь – к Родионовне попадешь.

Что лучше? Галчонок в страданиях или Родионовна с Кузей в любви?

А-а, наплевать на все!.. И он решительно повернул налево, в сторону центральной площади их крохотного городишки, который долго боролся за почетное звание «Наукоград», получил его, и по этому поводу на площади поставили несколько круглых фонарей, долженствующих придать новоиспеченному «наукограду» весьма европейский и даже щегольской вид.

Некоторое время местные подростки сидели под фонарями на корточках, курили и шикарно матерились, девчонки сладко и обморочно повизгивали, а потом фонари им надоели, и они их побили. Остался единственный, рядом с памятником.

В советские времена «наукоград» отличался известным фрондерством, как все такого рода городишки, где были собраны научные институты и высокотехнологичные предприятия. В Дом культуры наезжали опальный музыкант Ростропович, опальный художник Глазунов и опальный певец Высоцкий. Позднее были замечены Макаревич и Гребенщиков и еще группа «Крематорий» на заднем плане. Из-за фрондерства ученых памятника Ленину на центральной площади не было, а возвышался памятник Циолковскому. Калужский мыслитель на поста-

менте был представлен исполином в сюртуке и каменных ботинках не по росту. К ботинкам скульптор приделал миниатюрную космическую ракету, какими их рисуют в детском саду ко Дню космонавтики, и казалось, что исполин собирается раздавить ракету, как мелкую букашку. Студенты Института общей и прикладной физики, где учились Хохлов и его компания, соблюдая традиции, в день выпускных экзаменов лезли на постамент и водружали на голову исполинского Константина Эдуардовича бумажный цилиндр. Милиция, тоже соблюдая традиции, делала вид, что пытается всех хулиганов переловить и посадить в «обезьянник», и хулиганы натурально боялись и прятались в ближайших подворотнях.

Целая жизнь прошла с тех пор, как Димон Пилюгин, стоя на плечах у Хохлова, пытался дотянуться до головы Циолковского, и Кузя снизу тревожно гудел, что их сейчас всех заметут и нервически оглядывался по сторонам, а Лавровский стоял на атаке на повороте с улицы Маяковского, потому что всем доподлинно было известно, что менты приедут именно с той стороны. Наверное, лет через пять Хохлов, проезжая по площади Циолковского, вдруг сообразил, что на улице Маяковского одностороннее движение, и менты должны были нагрянуть ровно с противоположной стороны, как тогда и нагрянули!..

Арина жила в старом сталинском доме, выходящем окнами в аккурат на макушку памятника, и Хохлов, когда помогал ей зубрить билеты по химии, видел в окошке, как голуби удобно устраиваются на голове Циолковского и производят на ней всякие непотребства.

«Плохо быть памятником, – рассеянно думал он тогда, толкуя Арине про валентности и моли, – каждый голубь может на тебя...»

Тут Хохлов засмеялся, въехал в арку, задрал голову и посмотрел на окна. Свет горел, значит, она еще не спит. Ну и отлично, а на Кузю плевать.

Хохлов сильно замерз, и есть ему хотелось, и он даже пританцовывал от нетерпения, когда женский голос, показавшийся очень далеким, тревожно спросил за дверью:

– Кто?

– Ариш, это я, Хохлов. Открывай давай!

Загремели замки, лязгнули засовы, зазвенели ключи – а что вы думаете?! Приходится запирается, мало ли случаев известно, когда...

Дверь приоткрылась на цепочку, и в проеме показался блестящий глаз.

– Ты чего? – спросил Хохлов грубо. – Открывай! Своих не узнаешь?!

Не иначе у нее Кузя. У нее Кузя, и они оба голые!..

Дверь закрылась и через секунду распахнулась вновь.

– Митя?!

– Вася, – вновь отрекомендовался Хохлов и протиснулся мимо нее в квартиру. – Слушай, Родионовна, у тебя есть еда? И питье? А лучше и то и другое вместе? – Он снял ботинки и во второй раз за вечер стал шарить в чужой прихожей в поисках тапочек. – Ну хоть что-нибудь у тебя есть?

– Котлеты есть, – призналась Родионовна. – Картошка жареная. Будешь?

– Все буду, только быстро и очень много.

Она вдруг повеселела, как будто он сказал ей комплимент.

– На ночь есть вредно. – Она подсунула ему тапки и подтолкнула в спину в сторону ванной. – Руки мой и приходи.

– Что я, маленький, что ли, – для порядка возмутился Хохлов, – зачем я руки должен мыть?!

В крохотной ванной было тепло и пахло то ли шампунем, то ли еще чем-то, очень женским и всегда немного волнующим. Глядя на себя в зеркало, Хохлов вымыл красные от мороза руки крохотным кусочком прозрачного глицеринового мыла с какими-то цветами внутри, понюхал мокрую ладонь – пахло тоже цветами, – старательно вытер, потом пригладил сбоку волосы, которые странно торчали, и еще посмотрел на себя в профиль, сильно втянув живот.

Вот так, со втянутым животом, он себе, пожалуй, даже нравится. Пожалуй, так он вполне может произвести впечатление. И очень даже положительное впечатление он может произвести на кого-нибудь. Только вот на кого? Никого, кроме Арины Родионовны, поблизости не наблюдалось.

Он вышел из ванной и некоторое время еще помнил о том, что должен втягивать живот, чтобы произвести это самое впечатление, но увидел картошку с мясом – и позабыл.

Картошка была горячая и дымилась, котлеты шкварчали на сковородке, дух шел упоительный. Хохлов сел за стол, взял кусок хлеба, посолил его и затолкал в рот.

– Я же тебе кладу уже!

– Не могу, – сказал Хохлов с набитым ртом. – Сейчас умру от голода.

Она поставила перед ним громадную тарелку, полную еды, и сбоку еще примостила два огурчика, крепеньких, солененьких, и еще посыпала гору какой-то травкой, от чего запах стал совсем уж невозможный, и Хохлов схватил вилку и стал есть, и глаза у него сделались бессмысленные.

– Где это ты так оголодал?

– Целый день не ел.

– Что так? Поел бы.

– Некогда было. Слушай, Ариш, а выпить есть?

Она удивилась. Хохлов никогда не ездил за рулем, подвыпив. Такое у него было железное правило.

– А как ты поедешь?

– Я не поеду. – Он дожевал огурец и схватил второй. – Пустите переночевать, хозяйка! Сами мы не местные, нас в поезде ограбили, вот справка...

– Мить, ты что? С Галей поссорился?

– Какие все, черт возьми, проницательные! – сказал Хохлов вполне добродушно. Он всегда становился добродушным во время и особенно после ужина. Добродушным и сонным. – Ну, поссорился, и что?!

Арина присела напротив и посмотрела на него.

– Я тоже с Кузей поссорилась, – объявила она. – Представляешь?

Хохлов ел котлету и невнятно промышчал, что представляет. Хотя ничего такого представлять ему решительно не хотелось. Но Арина ждала вопроса, и он его задал:

– Выпить есть?

Это был явно не тот вопрос, но про Кузю Хохлов не хотел слушать даже после котлеты.

– Того, что ты пьешь, у меня все равно нет.

– «Это», то есть что?

– Виски.

– А что есть?

Она засмеялась.

– Водка есть. Дать?

– Давай.

Она вытащила из холодильника бутылку, а из буфета крохотную затейливо-хрустальную рюмочку на высокой ножке и водрузила перед Хохловым.

Он покосился на рюмочку:

– Ари-иш, отсюда пить нельзя. Только нюхать можно. Рюмка на три понюшки, как раз хватит.

– А чего же тебе дать?

Хохлов подумал.

– Ну, стакан дай, что ли!

Она убрала рюмочку, достала стакан и сказала, что ему нужно записаться в клуб анонимных алкоголиков. Он пообещал, что непременно запишется, налил себе холодной водки, тяпнул и посидел с блаженным видом, как буддийский монах, почувствовавший первые признаки надвигающейся нирваны.

Потом он быстренько все доел и еще хлебной коркой подчистил тарелку, корку тоже съел, с сожалением посмотрел на початую бутылку и аккуратно поставил посуду в раковину. Он бы еще выпил, но Арина же сейчас станет нудить, чтоб не пил, что пить, как и есть, вредно, и вообще, она заметила: в последнее время он стал больше выпивать, и это ужасно, потому что проблема алкоголизма в нашей стране...

– Кофе будешь?

Хохлов чувствовал, что сейчас уснет, дайте только дойти до дивана, и кофе ему не очень хотелось, но немедленно заснуть было неприлично, а Хохлов старался соблюдать правила хорошего тона. Или думал, что старается.

– Давай кофе.

Она насыпала из банки в огромную кружку довольно много, полезла в холодильник и вытащила сгущенку. Еще со времен Института общей и прикладной физики он очень любил растворимый кофе со сгущенным молоком.

– Откроешь, Мить?

Старым-престарым консервным ножом с подгоревшей деревянной ручкой он открыл банку, пальцем снял тягучую сладость с обратной стороны крышки и засунул палец в рот.

Почему-то с Галчонком никогда не получалось вот так просто взять да и сунуть палец в сгущенку. Все время возникали препятствия. Она была убеждена, что это некрасиво, и молоко скиснет, и вообще негигиенично. Все это было совершенно правильно и грустно оттого, что иногда очень хотелось есть сгущенку именно так – пальцем.

Он хлебнул кофе, зажмурился от счастья, вытащил сигареты и спросил великодушно:

– Ну, и что там у тебя с Кузей? Когда он решил тебя... осупружить?

– Что это за слово?

Хохлов пожал плечами. Кузя не мог никого взять «замуж». Из этого следовало, что он должен выступить в роли мужа, а сие, по мнению Хохлова, было решительно невозможно.

Арина Родина, по прозвищу Родионовна, пристроилась напротив и тоже налила себе кофе.

– Вчера, Мить. Он пришел в гости и... сделал мне предложение. – Она глотнула кофе и посмотрела мимо Хохлова, в угол. – Сказал, что мы давно знакомы, что нам все друг про друга известно, одному ему надоело, и он хочет, чтобы мы...

– Ему не одному надоело, а в общежитии надоело! – сказал Хохлов неприятным голосом. – Он сколько лет в общежитии-то проживает? Оно, знаешь, кому угодно надоест!..

– Мить, чего ты злишься? Он же твой друг!

– И ты мой друг. И он мой друг. И что из этого?

Она помолчала.

– Ну и не буду ничего тебе рассказывать, раз ты так... реагируешь.

– Ну и не надо, – согласился Хохлов, и они замолчали.

Арина болтала ложкой в кружке с кофе. Хохлов сердито пил и фыркал.

Дмитрий Кузмин по прозвищу Кузя и в самом деле был давний друг, такой же давний, как и Лавровский с Пилюгиным. Получилось так, что на первом курсе все четверо оказались в одной группе, и им пришлось придумывать себе имена и клички, потому что всех четверых угораздило именоваться Дмитриями. Дмитрий Хохлов, Дмитрий Лавровский, Дмитрий Пилюгин и Дмитрий Кузмин.

Хохлов стал Митей, Лавровский остался Димой, Пилюгина переименовали в Димона, а Кузмина невозможно было называть иначе, чем Кузя. Из всей четверки он был самый выдающийся, самый многообещающий – и хуже всех приспособленный к жизни.

Он писал контрольные так, что профессор Авербах, заведующий кафедрой теоретической физики, чуть не плакал, вручая ему вариант, где, помимо жирной, четкой, улыбающейся пятерки, было еще приписано «brilliant!!!», именно так, с тремя восклицательными знаками.

Кузя никогда не делал заданий, потому что мог решать их просто так, с листа, и решал в течение двадцати минут на подоконнике военной кафедры, куда редко заглядывали преподаватели, кроме усатого полковника с неприличной фамилией Задович. Студенты над полковником и его фамилией издевались, как могли, а он был вполне приличным человеком, по три шкуры не драл и не грозился поминутно отправить всех в Советскую армию выполнять свой гражданский долг.

Кузе достаточно было перелистать учебник, чтобы понять, о чем там идет речь, он никогда ничего не зубрил и все время смеялся над теми, кто в преддверии сессии ходил, как сомнамбула, и даже ел и спал с учебниками перед носом. «Зачем? – говорил он. – Зачем зубрить, если можно вывести?!» Он был твердо убежден, что любую формулу можно вывести самостоятельно, когда хоть приблизительно представляешь, о каком именно процессе идет речь, и ему это удавалось!

Списывать у него было бессмысленно, потому что никто из остальных студентов все равно не мог понять, что именно написано в его тетрадках, понимал только сам Кузя да еще профессор Авербах, который лишь качал головой и предрекал ему не просто большое, а огромное будущее, в котором Нобелевская премия по физике будет просто ступенькой в карьере.

Ничего этого не состоялось.

Никто не виноват – революция девяносто первого года уничтожила науку, а вместе с ней и всех ученых, или, может быть, большинство. Те, кто посмелее и поактивней, уехали на Запад и там продолжали работать на благо мировой цивилизации. Те, у кого была хоть какая-то коммерческая жилка, начали быстро ее разрабатывать, и некоторым это вполне удалось. Те, у кого не было ничего, кроме желания заработать на хлеб с маслом, пошли в строители, таксисты или операционистами в банк и там тоже более или менее преуспели.

Остальные оказались у разбитого корыта.

Научный институт обезлюдел и заплесневел. Изредка в коридоре попадался невесть куда бредущий человек, с неизменной целлюлоидной папкой в руке. Куда и зачем он идет, никто не знал, да он и сам не знал тоже. Тихо стало за высокими темными дверьми, в отделах никто не шумел и не спорил, не делил «машинное время» и не грозился вытребовать в профкоме путевку в Анапу для жены с детьми. В конференц-зале стулья были сдвинуты к стенам и покрыты пленкой, на которой лежала пушистая домашняя пыль. На работу приходили к двенадцати, да и то только затем, чтобы без помех со стороны семейства сыграть в «Полет на Луну» или в «Марсианские хроники». По привычке собирались «на чай» в самую большую комнату, где прежде было так весело и интересно, где обсуждалось все самое животрепещущее, научное, острое, где прежде ругали коммунистов и советскую власть и хвалили Солженицына и Буковского, а нынче обсуждали президентскую прибавку бюджетникам, пенсионные фонды и ругательски ругали капиталистов и Ельцина, хвалили КПРФ и некоего депутата, который призывал узаконить двоеженство и заложить в бюджет по две бутылки бесплатной водки на каждого жителя России старше восемнадцати к каждому празднику. Иностранные гранты получать было сложно и муторно, потому получали их единицы, и Кузя в том числе. В первый раз ему дали «за молодость», во второй раз «за талант», и все это не потребовало от него никаких усилий. В третий, когда нужно было хлопотать, Кузя громко сказал, что он ученый, хлопотать не желает и пошли все начетчики к черту!.. Он ученый, а не подстилка начальничья, а потому или опять давайте «за талант», или ничего ему не надо! И вообще с этими деньгами мороки

очень много – дают всего ничего, а отчетность собирают, как будто миллион на благотворительность пожертвовали!.. Он, Кузя, так не хочет. Он ученый и, следовательно, личность мыслящая. Он сам знает, как и куда потратить деньги, а отчеты отнимают слишком много времени, которое он мог бы потратить на научную работу.

Комитет, ведавший распределением грантов, никаких его резонов в расчет не принял. Хуже того, на него смотрели с сочувствием и даже с опасением – кто знает, что у него на уме!.. В следующий раз, когда нужно было ехать за границу делать доклад, поехал не Кузя, а Димон Пилюгин, который и вполтину не был так талантлив, и Кузя совершенно разобиделся.

Не хотите, и не надо!.. Пошли вы к черту с вашими деньгами, толстосумы проклятые! Много ли нужно, чтобы прокормиться, а остальное все пыль, мусор!..

Примерно в это время от него ушла Катька-зараза, на которой он женился сразу после института. Катьке хотелось в кино, мороженого и подарочек на день рождения, а ничего этого не было. Кроме того, Кузя с каким-то странным, почти садистским наслаждением объяснял жене, что ничего этого никогда не будет, то, что есть у других, ей недоступно, и вообще он, Кузя, презирает всех этих дельцов, которые только и знают, что заколачивать свои деньжищи, а для него, Кузи, самое главное – наука, наука!..

Катька-зараза какое-то время пыталась его переделать, изменить его точку зрения, ободряла его и убеждала, что они «прорвутся», но он и слушать не хотел. С болезненным удовольствием он все повторял и повторял, что только проходимцы могут смириться с новой властью – несколько лет назад он был уверен, что только проходимцы могут мириться с коммунистической партией, – что самая правильная жизнь у ученых была во времена «шарашек», потому что там, кроме кормежки и работы, ничего не было, и ни о чем не приходилось заботиться, что Катька должна хорошенько подумать, сможет ли она провести жизнь с непризнанным гением, и все такое.

Катька подумала-подумала и выгнала непризнанного гения из своей жизни. Кузя еще некоторое время распространялся о том, что все правильно, все так и должно быть, избранная им жизненная позиция не для слабых и глупых, а потом как-то притих.

Он притих на довольно продолжительный срок, на работу ходить почти перестал, перетащил в общежитие компьютер и проводил время то за ним, то катаясь на велосипеде или на лыжах, смотря по сезону.

Так он катался лет восемь, а теперь вот решил жениться на Арине Родиной, с которой они все были знакомы столько лет, что даже вспомнить страшно!..

Дмитрий Хохлов допил свой кофе, вылез из-за стола, зажег под чайником газ, чтобы попить еще и чаю, и прислонился спиной к плите. Жар от конфорки приятно грел все обмороженные автомобильным сиденьем места.

– Свитер подожжешь, – не глядя, предупредила Родионовна.

– Да и шут с ним. Ты мне все-таки расскажи... про Кузю.

Она вздохнула и подняла на него глаза, которые все время держала долу.

– Ну, он в последнее время стал чаще приходить. То есть почти каждый вечер. Как я приезжаю с работы, так он звонит и приходит. Пару раз они пришли вместе с Димоном и Ольгой, а потом он стал... сам по себе приходить.

– Это чей мальчик? – спросил Хохлов в воздух. – А ничей. Это сам по себе мальчик.

Арина помолчала.

– Потом, знаешь, Мить, у него вдруг появилась какая-то идея про деньги! Он стал говорить, что у него теперь будет много денег, понимаешь?!

Хохлов задумчиво смотрел на нее. Лавровский тоже говорил про Кузины деньги и заранее переживал, что Кузя их где-то добудет, а он, Лавровский, нет.

– Ну вот. Я у него спросила, может, он за границей работу нашел, но он сказал, что нет, и там работу можно получить, только если начальству задницу лизать, а он ничего такого не умеет, не хочет, и все такое. Ну, ты знаешь.

– Знаю, – согласился Хохлов. Спину грело все сильнее, и, кажется, даже стало попахивать паленым.

– Он все приходил, приходил, а потом сделал мне предложение. Сказал, что мы давно знакомы, что у нас все будет хорошо, потому что я сама зарабатываю на себя, а у него теперь тоже есть деньги.

– Ну-с, – подытожил Хохлов, – мотивация налицо. Ты сама на себя зарабатываешь, а у него теперь есть некие деньги. Не иначе столтник к зарплате прибавили, как молодому специалисту. Ну, и квартира у тебя есть. Опять же, папаша!.. Если что, унитаз, к примеру, протечет или лампочка перегорит, папаша твой тут как тут, стремяночку поставит, лампочку вкрутит, унитаз улучшит по всем статьям, самому Кузе ничего делать не надо! Все ясно, Родионовна. Большая любовь у вас. Нечеловеческой силы!

Нашарив рукой, он повернул пластмассовый краник и выключил газ. Ополоснул свою кружку и полез в шкаф за чайным пакетиком. Он знал эту кухню, как свою собственную, а может, даже и лучше.

Пакетиков не оказалось, и он вопросительно посмотрел на Родионовну. Она кивнула на большую железную банку, в которой держала заварку, и Хохлов зачерпнул оттуда щепотку.

– Будешь?

– Я лучше еще кофе.

Он бросил щепотку в кружку, налил кипятку и посмотрел, как чаинки всплывают в горячей воде.

– Вот что я тебе скажу, Родионовна. Ты, конечно, можешь на меня обижаться, но большей дурусти, чем выйти замуж за Кузю, я не могу себе представить. Вот, ей-богу, не могу!..

– Так ты и не выходишь!

– Я? – удивился Хохлов. – Я не выхожу. И тебе не советую.

– Я с тобой и не советуюсь.

– А что ты делаешь?

– Хохлов, я тебе рассказываю про свою жизнь, – заявила Родионовна довольно сердито. – Если ты сегодня не в духе, то так и скажи, а не финти!

– Да я и не финтю!.. То есть не финчу. Или как правильно?

Арина пожала плечами.

– Вот что ты все плечами пожимаешь? – окончательно рассердился Хохлов. – Что ты делаешь скорбную мину и плечами пожимаешь?! Ты же не дура последняя, Родионовна! Как можно за Кузю замуж выйти, если не под наркозом?! Да выйти еще ладно, а жить-то с ним как?!

– Хорошо, – отчеканила Родионовна. – За него нельзя. За кого тогда можно?

– Чего – за кого?

– За кого мне можно выйти замуж, чтобы не под наркозом и чтобы было понятно, как с ним жить? Ты знаешь такого, Хохлов?

Он не знал, а потому уставился на нее и даже перестал дуть на чай.

Она поднялась из-за стола, приблизилась к нему и уперла руки в боки.

– Мне тридцать четыре года, Хохлов! Я еще ни разу замужем не была. Ты когда по лестнице поднимался, наблюдал очередь из поклонников, которые мечтают на мне жениться?!

– Н-нет, – признался тот и с некоторой опаской посмотрел ей в лицо. У нее были гневно-пунцовые щеки и глаза сверкали довольно подозрительно. Ему вдруг показалось, что она сейчас в него чем-нибудь швырнет.

– Значит, очереди мы не наблюдаем!.. Кому я нужна, Хохлов, тридцатичетырехлетняя старая тетка с высшим образованием и работой в Москве?! Я только по большим праздникам

домой приезжаю раньше девяти часов вечера, а уезжаю я, чтоб ты знал, в полвосьмого! Заметь, Хохлов, утра! В полвосьмого утра! По воскресеньям я убираюсь и глажу, а потом хожу к маме с папой, и там у меня семейный обед происходит. Улавливаешь мою мысль, Хохлов?!

– Н-не совсем.

– А я тебе сейчас растолкую! Я тебе сейчас запросто растолкую свою мысль! – Она вдруг всхлипнула и сердито вытерла глаза. – На работе у меня четыре письменных стола, и за ними сидят три тетki и один мужик. Тетки, как и я, тексты переводят, а мужик картинки на компьютере рисует. За него, Хохлов, у меня нет возможности выйти замуж, потому что он, во-первых, алкоголик, а во-вторых, уже женатый и, наверное, в третий раз. Лавровский женат, Пилюгин тоже женат, ты при Галочке, а я при ком?! При ком я, Хохлов?!

Наверное, не нужно было спрашивать, наверное, следовало промолчать и не раздражать ее еще больше, но все-таки он спросил остороженько:

– А тебе обязательно быть при ком-то?

– Да! – закричала она. – Да, представь себе! И не надо мне никаких песен про самодостаточность и про то, что умный человек всегда может найти себе массу интересных занятий без всякого мужа или любовника! Я знаешь сколько книг про это прочитала, Хохлов, сколько телепередач охватила?! Я знаешь какая подкованная?! Я в этом гораздо лучше подкована, чем Кузя в своей физике! Я знаю, что у меня все впереди, что у каждого своя дорога, что мне нужно настроиться на позитивное мышление! Я о-чень позитивно мыслю, Хохлов! – Тут она надвинулась на него, так что ему стала видна вздувшаяся на ее шее жила, и он подался назад и почти сел на плиту. – Я самодостаточна просто до безобразия! Я постоянно самосовершенствуюсь, Хохлов, и скоро из меня выйдет абсолютно гармоничная личность, как у писателя-фантаста Ивана Ефремова в книге «Туманность Андромеды»! Ты читал такую книгу, Хохлов?!

На этот раз он точно знал, что отвечать нельзя, и поэтому не ответил.

– Я сама себя кормлю, я занимаюсь интеллектуальным трудом, готовлю хорошо! Я себе шапку сама связала, глаза бы мои на нее не смотрели, на эту шапку!.. Я маме помогаю, и в прошлом году они с папой целую неделю в санатории были, и я за эту неделю заплатила, Хохлов, как любящая дочь! Еще я в коридоре обои поклеила, думала, с ума сойду, пока поклею, один раз рулоном в дверь запустила, потому что, как приеду с работы, как увижу весь этот бардак, так жить мне неохота! Это у тебя – сегодня Галя, завтра Валя, а вчера, может, Маня была! А у меня?! У меня никогда и никого не было, кроме вас четверых, навязались вы на мою голову еще на первом курсе! Да и вы ко мне никогда не относились как... как... – Она никак не могла сообразить, как именно они к ней никогда не относились, и наконец сформулировала: – Как к объекту своих вожделений, Хохлов! У вас вечно были девушки из текстильного общежития!

– Просто мы тебя... уважали, – зачем-то сказал он и отвел глаза.

– Вот спасибо вам большое! – крикнула она и с размаху отвесила ему поясной поклон, так что волосы взметнулись и заделали его по носу. – Век не забуду! Доуважались! Это вы мне всю голову заморочили, когда я еще молодая была, вы мне жить не дали!

– Мы?! – поразился Хохлов. Он так поразился, что даже поставил свою кружку на стол и руки на груди сложил, отчасти как Наполеон, отчасти как невинная жертва, облыжно обвиненная в страшном преступлении. – Чем же мы-то тебе не угодили, Ариша?!

– Да вы мне всем угодили! Сначала я была влюблена в Лавровского, в него все были влюблены! Но он женился и уехал в Москву, и все на этом кончилось. Потом в Пилюгина, но тоже недолго музыка играла, потому что он влюбился в Ольгу и женился на ней. В Кузю влюбиться невозможно. Остался ты, Хохлов! Ты готов на мне жениться?! Вместо Кузи?!

– Да зачем обязательно жениться-то?!

– Да я тебе только что лекцию прочитала зачем! Если тебе не обязательно, так ты и сиди со своей Галей или Маней, а мне семья нужна, ребеночек, чтобы вечером телевизор смотреть, а в выходные в лес ездить.

– И с Кузей у тебя будет семья, да?

Тут она вдруг моментально сдулась, как проколотый воздушный шарик – щц-щц-щц, и осталась только одна оболочка, мятая и невразумительного цвета.

Она махнула на него рукой, села и устала в свою чашку.

– Может, что-нибудь и получится, – сказала она тоскливо. – А что? Сидит он за своим компьютером и пускай сидит. Мне это не мешает. А еще, может, ребенок родится, и тогда я буду ребенком заниматься...

– А Кузя на лыжах кататься или на санках, он это любит, для здоровья, – договорил за нее Хохлов, – а еще кооператоров позорить и власть поносить. А папаша твой лампочки будет вкручивать. Ну, ты отлично все рассчитала, Родионовна! Молодец!

– Пошел к черту.

Хохлов еще постоял у плиты, взял было со стола кружку, глотнул и со стуком поставил ее обратно.

Жить ему не хотелось.

– Поеду я, – неожиданно для себя сказал он. – Слышь, Арин?

Она пожала плечами совершенно безразлично, и Хохлов от этого безразличия вконец расстроился. Ехать ему было некуда, но он заставил себя пойти к двери, засунуть ноги в холодные, еще не отошедшие от улицы ботинки и натянуть куртку. При этом он испытывал странные, садомазохистские чувства, наверное, очень похожие на Кузины. С одной стороны, он мстительно думал о том, что Родионовна останется одна со своими горестными и дурацкими мыслями, с другой стороны, он очень жалел себя, неприкаянного и никем не любимого, вынужденного тащиться в мороз искать еще какой-то приют!

Он потоптался на пороге, выжидая, когда она выйдет его проводить, и смутно надеясь на то, что она заставит его остаться, но Арина не вышла. Несмотря на то, что вздыхал и топтался он довольно шумно.

– Ну, я пошел! – в конце концов громко сказал он.

– Давай, Хохлов, – помедлив, отозвалась она из кухни. – Счастливо.

Упиваясь своим нынешним садомазохизмом, он еще добавил, что ждет приглашения на свадьбу, а она сказала, что непременно придет.

И он вышел, и захлопнул за собой тяжелую, холодную, крашенную коричневой краской дверь.

Он приходил сюда, в квартиру ее бабушки, и учил здесь теорию функций комплексного переменного, а заодно объяснял Арине ее дурацкую первокурсную термодинамику и химию, а бабушка пекла лепешки, которые они поедали с чаем. Никогда в жизни он потом не ел таких лепешек и не знал, как их готовят. Никто этого не умел, кроме Ариной бабушки.

Лепешки были рассыпчатые, тверденькие, но не жесткие, и чай она заваривала крепкий, а иногда еще был индийский растворимый кофе в круглой жестяной коричневой банке – большая редкость по тем временам!

Они учили термодинамику, поедали лепешки, захлебывали их чаем и смотрели на памятник Циолковскому в сквере под окном, засиженный голубями, и все еще было впереди, и им казалось, что их дружба вечна и незыблема, как постамент Константина Эдуардовича!

Дружба-то, может, и незыблема, но как-то все пошло наперекосяк. Как-то неправильно все пошло, не по прямой, а все больше ломаными линиями!

Или так всегда бывает в жизни?.. Никаких прямых и сплошные ломаные линии?..

Вот и Родионовна начала чудить, по-другому он не мог назвать ее странное поведение! Возраст, может, переходный случился, от молодости к старости? Не поймешь. Впрочем – Хохлов знал это совершенно точно, – даже самые лучшие из женщин время от времени начинают «чудить»: загадывать мужчинам загадки, намекать на какие-то высшие эмоции, недоступные мужскому пониманию, печалиться невест из-за чего и радоваться тоже неясно чему.

С точки зрения Хохлова, эту женскую дурь нужно пережить, как переживают насморк, – если лечить, пройдет, и если не лечить, пройдет тоже. Подурит и успокоится, она же нормальная тетка, понимающая, умная, хватило же ей мозгов, чтобы окончить Институт общей и прикладной физики, значит, и во всем остальном она должна разбираться!..

Хохлов вышел из подъезда, вдохнул морозца и поежился в короткой курточке. Курточка была финская, дорогая и предлагалась в магазине как «очень теплая», кроме того, по капюшону она еще была подбита каким-то длинноволосым мехом – такие курточки в кино носят только положительные герои, сплошь спецagenty «на деле» или успешные бизнесмены «на отдыхе». Хохлов, завидев эту курточку, вдруг до смерти захотел выглядеть, как те, из кино, стильно, современно и самодовольно. Нынче он невыносимо в ней мерз – то, что было ниже джинсового ремня, леденело как-то особенно сильно, до деревянного состояния.

Остался только один адрес, который он еще сегодня не охватил, – Димона Пилюгина. Димон жил в шикарной новостройке на самом краю города, и Хохлов поехал туда, проклиная мороз, курточку, спецagentов, себя и Галчонка. Вот дура, не поссорилась бы с ним, не пришлось бы ему мотаться по заснеженному городу и жалеть себя!

Хохлову никогда не приходило в голову, что, может, это он дурак, что поссорился с Галчонком, может, не надо было ссориться!..

Пилюгин открыл дверь и сказал удивленно:

– О! Хохлов!

– А ты кого ожидал увидеть? – пробормотал окончательно заиндевший «спецagent». – Прусского короля?

Неясно, при чем здесь был прусский король, но ничего более нелепого в голову Хохлову не пришло. Должно быть, от холода.

Произошла эпопея с поиском тапок – третий раз за вечер! – и взгляд Хохлова уперся в чьи-то коричневые боты. От них на полу натекла небольшая лужица. Хохлов вставил ноги в чужие тапки – третий раз за вечер! – и вопросительно посмотрел на Пилюгина.

– Кузя, – ответил тот на молчаливый вопрос тоном человека, полностью покорившегося судьбе. – Приперся и никак не уходит!

Что за невезуха такая!.. Вот только Кузи нам нынче и не хватает! Счастливый жених пришел обрадовать друзей вестью о своей помолвке с графиней Б. Свадьба состоится в апреле, об этом будет дополнительно извещено в газетах.

Что за маразм лезет мне в голову! Что за чертовщина такая!.. И все из-за Родионовны, которую невозможно, ну, никак невозможно выдать за Кузю замуж!

– Здорóво! – мрачно сказал Хохлов, вдвигаясь в комнату.

Население вразнобой ответило, и Ольга улыбнулась приветливо.

В отличие от Лавровских, эта семья жила совершенно другой жизнью, как будто в некоей Аркадии, которая расстилалась вокруг них и только им была доступна.

Они поженились сто лет назад и все сто лет жили счастливо и... весело, что ли. Они очень легко любили друг друга, и невозможно было представить, что они вдруг развелись, или закрутили интрижку на стороне, или всерьез поссорились. Ольга хохотала над глупыми шутками Димона, прыгала вокруг него, когда он приходил с работы, и ста тремя способами готовила картошку еще в те времена, когда, кроме картошки, готовить было решительно не из чего. Когда появились ананасы, она полюбила и ананасы тоже, и казалось, что ничего не меняется в этой семье и не изменится никогда.

Однажды Пилюгин, очень мрачный, позвонил Хохлову и сказал, что переезжает к маме, ибо они с Ольгой решили развестись. Хохлов перепугался так, будто Пилюгин сказал, что попал под поезд. Этого никак не могло случиться! Никак и никогда!.. Планета Земля разлетится на куски, и атом перестанет расщепляться, если и эти тоже начнут жить, как все! Они не могут, не должны, у них такая миссия перед человечеством – жить счастливо и как-то так, что

все начинали им светло завидовать, грустить, вспоминать молодость и трогательно посматривать на опостылевшую жену или мужа, словно призывая обратно то время, когда упомянутые жена или муж еще были не опостылевшими, а, наоборот, казались друг другу главной жизненной удачей! Ольга с Димоном были будто Пьером и Марией Кюри, альфой и омегой семейного счастья, залогом, примером и еще черт знает чем!..

Поэтому, когда Пилюгин объявил, что они разводятся, Хохлов заревел, как медведь, и помчался водворять Димона обратно в семью – и опоздал! Димон уже сам водворился обратно. Так они ссорились – примерно в течение получаса и раз в три года.

У них были красивые и веселые дети, рожденные с разницей лет в десять, и в этом тоже была особая прелесть – подросток и малыш, свидетельство продолжающейся родительской любви. Почему-то эти самые дети никогда не ссорились, а, наоборот, любили друг друга, и старший таскал младшего на плечах и покорно лаял, когда младший требовал, чтобы брат изображал ездовую эскимосскую собаку Балто из Анкориджа, которая привезла в замерзающий город Ном сыворотку и тем самым спасла весь город от эпидемии дифтерита. Про собаку Балто, про Тигру и Винни-Пуха, про Снусмумрика и Фрекен Снорк детям читала Ольга, и казалось, что она и сама получает удовольствие, когда в сто пятнадцатый раз читает одно и то же! И Димон получал удовольствие, когда по выходным вел всех на горку в парк и никогда не уставал, таская снежок снизу вверх, а потом все вместе они ели свиную отбивную с жареной картошкой в маленьком кафе, и отбивная с картошкой тоже доставляла им удовольствие... Хохлов никогда не понимал, как можно так жить!..

Ольга улыбалась, а старший сын Степка неторопливо пил чай, и возле него, на салфетке, лежала небольшая горка сушек, обсыпанных маком, до которых он был большой охотник, и Хохлов с раскаянием подумал, что ничего не привез, даже сушек, явился с пустыми руками!

– Чаю или кофе?

– Чаю, Оль!

– Тише, – быстро сказала та и приложила палец к губам, – мы только маленького угомонили!

Старшего звали Степка, а младшего – Растрепка, потому что никто и никогда не мог заправить ему в штаны майку, она вечно вылезала со всех сторон, и тогда решено было переодеть Растрепку в комбинезон, что и было сделано, но майка как-то умудрялась вылезть поверх комбинезона тоже. Ольга смеялась и говорила, что дети – один в один папочка, который всегда выглядит так, как будто только что копался в городской помойке.

Это было преувеличением, хотя Пилюгин действительно не умел носить костюмы и выглядел в них нелепо.

С некоторых пор должность Пилюгина в научном институте была переименована, и перемена названия повлекла за собой и перемену формы одежды. Раньше он именовался «начальником отделения» и ходил на работу в джинсах, а нынче стал «генеральным менеджером» и стал ходить в костюмах. Хохлова все эти перемены ужасно веселили.

Кузя сидел на диване и листал какой-то журнал. Он кивнул Хохлову, и тот кивнул ему, сморщившись так, что Ольга немедленно спросила:

– У тебя болят зубы?

– Душа у меня болит, – буркнул Хохлов и сел так, чтобы не видеть Кузю.

Ну его на фиг, жениха этого!.. Может, со временем он и привыкнет к тому, что Кузя и Арина – счастливая семейная пара, а покамест ничего, кроме глухого и непонятного ему самому, Хохлову, раздражения, он не чувствовал.

– Бабы голые, – вдруг сообщил Кузя и зашелестел журналом. – С ума сойти, кругом одни голые бабы с титьками!

– Кузя! – в один голос воскликнули Ольга с Димоном, а Степка оторвался от чая и сообщил родителям, что он давно знает слово «тительки», и журнал с голыми бабами на прошлой

неделе в класс принес Вовка, и они его рассматривали в туалете, и он, Степка, не знает, как остальным, а ему что-то ничего не понравилось!..

Сначала грянула немая сцена из «Ревизора», затем короткий эпизод из «Мистери-и-буфф», когда все носятся с обезумевшими лицами, затем родители некоторое время выясняли, кто из них больше виноват в том, что ситуация с журналами и «титками» вышла из-под контроля, потом некоторое время они пытались установить, что это за Вовка – такой низенький, белобрысый? Да нет, такой здоровый, с глазами навывкате! Да нет, он крепыш среднего роста! Или нет?.. Степка пил чай, грыз сушки и никаких наводок родителям не давал, предоставив им разбираться самостоятельно. Некоторое время Ольга говорила Димону, что он совершенно, ну совершенно не интересуется семьей, и воспитание детей полностью лежит на ней, а они, между прочим, мальчишки, и им важнее всего не материнская забота, а отцовский авторитет, а он, Димон, никаким авторитетом у них не пользуется, потому что все время пропадает на работе, и когда даже бывает дома, то скачет с ними, как бешеный, вместо того, чтобы преподать им урок хорошего воспитания, тьфу, тона.

Но тут Димон встал, поцеловал Ольгу в висок и осведомился, при чем тут его авторитет, ведь журнал «с титками» в Степкин класс принес вовсе не он, и они посмотрели друг на друга и улыбнулись, и Хохлов подумал с тоской – тьфу, пропасть!..

Хохлов пил чай и косился на Кузю.

Его так и подмывало спросить, и он спросил, не выдержал:

– Кузь, говорят, ты женишься?

– Чего?

– Да я слышал, что ты женишься.

Пилюгины перестали улыбаться друг другу загадочными улыбками и уставились на Кузю. Степка продолжал шумно грызть сушки.

– Ну, женюсь, и чего?..

– На Родионовне?

– Ну а на ком же еще!..

Хохлов почесал коленку, хотя она вовсе не чесалась.

– Так ты ее, выходит дело, любишь?

– Ну... да.

– И она тебя тоже?

– Чего? А... Ну... да.

– Здорово, – подытожил Хохлов.

Ольга с Димоном опять посмотрели друг на друга, и Пилюгин подсел к Кузе на диван:

– Так, выходит, все серьезно, да? А я думал, треп один! А чего это вдруг вы решили... пожениться?

– А почему бы нам не пожениться?

С Кузей было трудно общаться, и Хохлов, которому стало стыдно, что он так раздражается, отпросился у Ольги покурить на кухню. Она никому не позволяла, а Хохлову разрешала.

Степка вдгонку ему сказал, что от курения бывает рак и в Америке всем людям курить давно запретили, и, будь его воля, он бы папе и Хохлову тоже запретил курить, чтобы они преждевременно не скончались.

В другое время Хохлов с удовольствием ввязался бы с ним в перепалку, напирал бы на свободный выбор каждого и на то, что взрослые люди имеют право жить так, как им хочется, но сейчас только рукой махнул, прикрыл за собой дверь кухни, закурил и стал думать о Кузе, который заделался женихом и первым парнем на деревне.

Кузя обладал целым рядом достоинств, которые делали его «легким и приятным» в общении человеком, – у него не было никакого чувства юмора, он был упрям, как осел, самоуверен,

как боевой слон Александра Македонского, и убежден в непогрешимости собственного мнения, как Адольф Шикльгрубер времен мюнхенских пивных.

Хохлов достал мраморную пепельницу в виде русалки, прилегшей отдохнуть на берегу моря. У русалки были каменные волосы, каменные груди, о которые предполагалось тушить сигареты, и весила она целую тонну. Шедевр преподнесла Пилюгину на день рождения Галчонок и страшно гордилась, что купила такой чудесный подарок. Она называла его «представительный». Хохлов пытался ей объяснить, что представительными бывают мужчины, а подарки – исключительно представительскими, но ничего у него не вышло.

– Мить, что с тобой?

Ольга вышла на кухню и плотно прикрыла за собой дверь.

– А что такое?

– Ты с Галей поссорился? Или у тебя на работе проблемы?

– Я и с Галей поссорился, – признался Хохлов, – и на работе у меня проблемы. Но это обычная история.

– А из-за чего ты в таком раздражении? – Она помолчала, разглядывая русалку, а потом тихонько вздохнула. – Из-за помолвки Арины с Кузей?

– Как ты это назвала?!

– Помолвка. Самое правильное слово, когда объявляют о том, что собираются пожениться.

– Лучше бы Кузя объявил, что собирается в сумасшедший дом.

– Зря ты так.

– Оль, а, по-твоему, он может жениться?! Он самый нудный, самый скучный, самый придурочный из всех нас!

– Да вы-то тоже не подарки на самом деле.

– Но он хуже всех! Ты вспомни, кто всю жизнь говорил, что всех баб надо переименовать в коров, потому что они ничего не соображают, только жрут, дают приплод, а потом молоко? Кто всю жизнь талдычил, что женщин нужно изолировать от мужчин, потому что они мешают работать, лезут в их жизнь и заставляют отвлекаться от науки?! Кто говорил, что ни одна баба не может пробежать лыжную дистанцию с такой же скоростью, как мужик, потому что она дура?! А еще, что их нужно выборочно стерилизовать, чтобы они могли рожать только после тестов на сообразительность, и если коэффициент ниже среднего, им нельзя размножаться?!

– Мить, прекрати.

– Так это все правда! – сказал Хохлов и с силой вдавил окурочку в каменные русалочьи груди. – Если бы он хоть что-нибудь пооригинальнее придумал! Когда была Катька-зараза, он еще как-то держался в рамках, но Катки давно нет! И что Родионовна станет с ним делать?

Ольга задумчиво походила по кухне, трогая ладонью деревянные панели. На одной из них был нарисован Винни-Пух, ведущий за руку Пятачка, и их она тоже потрогала любовно.

– Аришка взрослая девочка, Митя. Наверное, это совсем не наше дело, что именно она станет делать с Кузей.

– Не наше?! – взвился Хохлов, и Ольга ловко его осадила.

– Как абсолютно не наше дело, что именно ты делаешь с Галей, – невозможно договорилась она.

Вот как ловко она его опустила в осадок, и возразить на это было решительно нечего!..

– Галя – человек тоже... своеобразный. Но тем не менее никто из нас не кричит, что ты должен с ней расстаться, потому что мы не понимаем, что такой... своеобразный человек делает рядом с нашим лучшим другом!

– Хорошо, – согласился Хохлов мрачно. – Уела.

– У Димона тоже какие-то постоянные проблемы с Кузей, – продолжала Ольга. – И чем дальше, тем хуже.

– Надеюсь, на Димоне Кузя не собирается жениться?

Ольга улыбнулась:

– Жениться не собирается, а работать он ему не дает.

– Как Кузя может помешать Димону работать?

– Кузя – его зам по науке, – печально сказала Ольга. – Помнишь, давно, лет пять назад, его выдвинули на руководящий пост и с тех пор все никак не задвигают? Ну, тогда у него, единственного в отделении, была научная степень! В то время вообще в институте никакой работы не было, и людей тоже, и выбирать было не из кого, вот Кузю и назначили!

Хохлов подумал. Он совершенно забыл о том, что Кузя занимает этот самый «руководящий пост» в научном институте, где они все когда-то проходили практику.

Пилугин вернулся туда на работу после нескольких лет мытарств по всякого рода сомнительным конторам, которые продавали никому неведомые акции, компьютеры, лыжные ботинки и немецкие тренажеры. Димон тоже какое-то время продавал все это – нужно же было кормить семью! – и при первой возможности вернулся в родной институт, но уже не просто научным сотрудником, а начальником. Все сложилось более или менее удачно – у него было подходящее образование и некоторый управленческий опыт, пусть и накопленный в «Рогах и копытах», но вполне реальный. Формулы он больше не писал – на Кузином языке это называлось не «писать», а «гонять», – зато занимался поиском проектов, под которые можно получить деньги, выбиванием правительственных грантов, распределением должностей, то есть выполняя «грязную работу», по мнению все того же Кузи.

– И что там у них с Димоном? Диалектические противоречия?

– Ну да! – сказала Ольга с досадой. – Кузя три часа назад приехал, и они все три часа до твоего появления ругались! Без остановки. Кузя возражает против контракта с автомобилями. Он говорит, что это не чистая наука, а какая-то прикладная хрень, не достойная внимания. Еще он возражает против контракта с тобой, потому что у тебя мелкие и дурацкие идеи. Он возражает против китайцев, потому что...

– Стоп, – сказал Хохлов устало. – Я ничего этого не знал.

– Димон тебе специально не говорил, потому что он считает, что это исключительно их дело, то есть его и Кузи, и они должны в нем сами разобраться.

– Да пусть разбираются! – перебил Хохлов. Злость на Кузю наконец-то преобразовалась в нечто конкретное, как будто вода перелилась в форму и застыла на морозе.

Ну вот, теперь все понятно! И главное, объяснимо! Сейчас он пойдет и всласть поцапается с Кузей именно из-за работы, а вовсе не из-за Арины! Кузя считает, что отделение не должно заниматься его, хохловскими, заказами?! Заказами, за которые уже давно заплачены деньги?! Которые нужны Хохлову как воздух?! Эти заказы недостаточно хороши для Кузи, как для большого русского ученого?! Ну, погоди же, сейчас я с тобой разберусь!..

– Митя, Митя, – тревожно позвала Ольга. – Перестань рыть копытом землю и пускать из ноздрей пар! Димон просил тебе не говорить, а я сказала...

– А что, виден пар? – спросил Хохлов.

– Еще как видно! Прямо валит!

– Ну, тогда в самый раз! Я пошел!..

– Митя!

Хохлов распахнул дверь, ввалился в гостиную, пару раз пыхнул ноздрями, пару раз поскреб копытом паркет, приготавливаясь атаковать. Пилугин и Кузя посмотрели на него с одинаковым удивлением.

– Что я слышу? – спросил Хохлов с любезной улыбкой. – Господа научные работники еще не брались за расчеты, которые были им заказаны летом, правильно я понимаю?! И не брались они потому, что до сих пор не могут договориться, как мои расчеты совместимы с их научным подходом и всеобщей гениальностью?!

– Ольга, – простонал Димон. – Я же просил!..

– Твои расчеты – говно, – заявил Кузя, положил ногу на ногу и той, что сверху, стал качать. Зеленый бумазейный носок у него протерся, и палец, тоже немного позеленевший от носка, выглядывал из дырки.

– Мам, я, наверное, спать пойду, – сообщил Степка. – Вы только громко не орите, а то Растрепку разбудите, и тогда мама будет с ним сидеть, а ко мне не подойдет.

Степка вылез из-за стола, немного повисел на вделанном в дверной проем турнике – оголился худосочный живот с ребрами наперечет, – после чего ушел в глубину ярко освещенного коридора. У Пилюгиных была большая квартира, и коридор в ней большой, и света всегда много.

Потом сын вернулся. Родители закатили глаза и спросили, почему ребенок никогда не может уйти спать с первого раза, и тот им объяснил, что пришел спросить у Хохлова, придет ли тот на его выступление. Степка занимался какими-то очень сложными спортивными танцами, и, по словам родителей, делал это виртуозно.

Хохлов обещал, что придет. Он понятия не имел, когда состоится выступление и где, но спрашивать не стал. Видимо, он должен был знать и забыл, а обижать Степку ему не хотелось.

Степка опять скрылся в коридоре, и только было разъяренные быки повернулись друг к другу и нагнули головы, чтобы вонзить рога, как Степка появился снова и объявил, что Растрепка уже давно орет из своей комнаты, просится на горшок, а его никто не слышит.

Ольга ринулась высаживать Растрепку на горшок, и Степка двинулся следом.

Впрочем, через некоторое время он вернулся, подошел к Димону, важно чмокнул его в щеку и сказал:

– Пока, пап!

Разъяренные быки следили за ним налитыми кровью глазами.

Димон почесал его за ухом, повернул и слегка поддал коленом под зад, но Степка опять вернулся и сказал, что всем остальным он тоже желает спокойной ночи.

Быки вразнобой попрощались.

Степка хотел еще что-то добавить, но Димон как-то очень ловко перекинул его через плечо, хотя тот был довольно длинный, и понес по коридору в сторону спальни.

– Значит, мои расчеты – говно?! – начал Хохлов. – И как это понимать?! Тебе чего, деньги не нужны, ученый хренов?! Я к вам и обратился только потому, что Димон мой друг! Да я мог эти расчеты где угодно заказать!

– Ну и валяй, заказывай! – ответил Кузя, встал и подтянул брюки. – Валяй, валяй! Нашему отделению это дерьмо не нужно! У нас ученые работают, ученые с большой буквы!

– Пошел ты!..

– И я не позволю своим сотрудникам тратить рабочее время на обсчет аэродинамики твоих идиотских труб!

– А твои сотрудники зарплату какую получают?!

– Ну и что, блин! Неужели самое главное в жизни – это зарплата?!

– Нет, ты мне ответь!.. Какую зарплату получает средний сотрудник вашего отделения?!

– При чем тут зарплата?! Вам, капиталистам, только деньги и важны, а нам...

– Кузя! – уже окончательно взъярился Хохлов. – Ты мне можешь ответить, сколько получают твои научные работники?!

– Ну, четыре восемьсот, и что?!

– А сколько бензин стоит, ты знаешь?! Один литр бензина?!

– На х... мне сдался твой бензин?!

– Если девяносто пятый, то восемнадцать рублей литр! Ты где живешь, черт тебя возьми?! На Луне, твою мать?! Там, может, бензин до сих пор по восемнадцать копеек?!

В комнату быстро вошла встревоженная Ольга и плотно прикрыла за собой двустворчатые двери:

– Тише! – сказала она укоризненно. – Вы в приличном доме, где есть дети!

– Дети тоже должны знать, что интересы науки...

– А я тебе, кретину, за исследование этих самых труб пятьдесят тысяч долларов заплатил! Пятьдесят! Если даже их поровну поделить на всех сотрудников вашего, блин, отделения, все равно получится больше, чем четыре восемьсот!

– А мне плевать на деньги! И кто не может за зарплату работать, пусть выкатывается к чертовой матери в коммерческую палатку, пиво продавать! Или в армии служить!

– Да чем тебе обсчет моих труб не угодил?! Тем, что трубы от газопровода, а не от космического аппарата?!

– Тем, что твои трубы ничего не добавляют к научному пониманию процесса!

– Какого процесса, Кузя?! – спросил Хохлов, которому вдруг как-то моментально осточертел весь этот спор, и он словно увидел себя со стороны. Увидел и не понял, чего ради он так-то уж старается!..

Кузя подумал секунду, а потом выдал:

– К процессу турбулентного течения газа в турбине! Именно этой проблемой занято наше отделение!

– Ваше отделение было занято этой проблемой еще в девяносто первом году, когда мы институт окончили! И с тех пор ни хрена не продвинулось! Турбулентное течение газа в турбине по-прежнему остается загадкой для всего прогрессивного человечества! Так, может, вы пока на досуге обсчитаете мои дурацкие, дешевые и ненаучные трубы для газопровода?!

Так как Хохлов спрашивал – именно спрашивал, а не орал просто так, – Кузя решил, что победил в дискуссии, а потому ответил очень твердо и очень солидно:

– Нет.

Хохлов опешил:

– Что – нет?

– Наше отделение, – веско сказал Кузя, – не станет заниматься твоими трубами. Я Димону уже говорил. Если он взял у тебя деньги, значит, он должен их тебе вернуть. Мои сотрудники...

– Они такие же твои, как и мои, – тихо сказал Пилюгин.

Оказалось, что он давно уже отнес Степку, вернулся в комнату и слушает их со странной, болезненной улыбкой на лице. Ольги, наоборот, не было видно.

– Наши с тобой сотрудники, – продолжал Пилюгин, – хотят зарабатывать, Кузя. Ну, хоть что-нибудь. Им всем по памятнику нужно поставить на Аллее звезд, что они не бросают работу и не уходят, как ты говоришь, пиво продавать. Они из последних сил держатся, ты понимаешь или нет? Мне... – Он замолчал на секунду, и Хохлову показалось, что замолчал для того, чтобы удержать себя в руках, не сорваться в крик и битье посуды. – Мне очень трудно достаются заказы, Кузя. И то, что они у нас есть, и отделение все еще не пошло по миру, это только моя заслуга. Я тебе точно говорю.

– Засунь свои заказы себе в задницу, – сказал Кузя. Ему было весело. – Подумаешь, какой финансист! Зачем ученым, теоретикам, заметь, обсчет какого-то пошлого заводского оборудования? Может, мы тогда в колхоз всем отделением двинем, как при советской власти, а? Картошку убирать, вместо того чтобы наукой заниматься.

– Обсчет труб – это ближе к науке, чем картошка, Кузя!

– Да я даже говорить об этом не хочу. Не будем мы заниматься всякой лажей, и точка, все! Я твой зам по науке!

– Да, ты мой зам по науке, – все так же тихо и грозно подтвердил Пилюгин. – И я имею полное право...

– Никаких прав ты не имеешь, – радостно заявил Кузя и опять залихватски подтянул брюки. – Не ты меня назначил, и убрать меня ты не можешь! А без моей подписи не будет никаких обсчетов!

Хохлов переводил взгляд с одного на другого. Открывая дискуссию, он не был готов к глубине диалектических противоречий, которые вырисовывались между Пилюгиным и Кузминым. Он собирался просто всласть поцапаться с Кузей из-за того, что тот вздумал жениться на Родионовне, что, по мнению Хохлова, не лезло ни в какие ворота. Всерьез обсуждать интересы своей работы, а также работы научного отделения он не был готов.

– Съел? – спросил Кузя у Пилюгина. – Не подавился? И пусть Митяй завтра же забирает свое бабло и тащит его в какой-нибудь НИИ, где все в носу ковыряют, и пусть ему там трубы и обсчитывают! А мы не будем!

– Да это несерьезный разговор! – сказал Хохлов с досадой. – Ты чего, бредишь, Кузя?! Ну, ладно, побазарили про интересы науки, и хватит уже! Я же не просто так денег дал, я за работу заплатил! И мне нужно, чтобы она была сделана.

– Так пусть ее сделают в какой-нибудь научной помойке, а не в самом лучшем авиационном институте страны!

– Так самый лучший институт как раз и занимается аэродинамикой!

– Но не такой примитивной, не примитивной, – пропел Кузя.

Он был счастлив, ему казалось, что он победил, а ему было так важно победить этих двоих хоть раз в жизни!

Они всегда его считали чудачком, почти кретином, и прощали ему странности только «за гениальность», а вот сейчас он им и без всякой гениальности покажет, где раки зимуют! Не даст он проворачивать всякие сомнительные аферы! Именно он, Дмитрий Кузмин, кандидат технических наук, заместитель начальника отделения, призван соблюдать интересы науки, и он их соблюдет, чего бы ему это ни стоило!

Вон как растерялись голубчики, смотрят друг на друга, как будто чего-то не понимают! А что тут понимать?! Ясно сказано – не будет теоретическое отделение ковыряться в каких-то ерундовых производственных обсчетах! Он, Дмитрий Кузмин, не позволит!..

Он всегда был умнее их в той науке, гранит которой они грызли вместе столько лет! Он раньше всех защитился, он писал самые забойные научные статьи, он почти сделал гениальное открытие! Не повезло – оказалось, что лет за десять до него такое же открытие сделал какой-то американец, хотя Кузя шел другим путем! Другим, совершенно другим!.. Он был умнее их, и все равно они постоянно оказывались впереди, им доставались самые красивые девушки, самые модные джинсы и самый дорогой портвейн! Вот теперь посмотрим, чья возьмет, – покрутитесь-ка, поюлите, поугovarивайте меня! А я не дамся! Мне-то что? Мне от ваших пятидесяти тысяч хорошо если штуку отстегнут, а я и без вашей штуки нынче полный кум королю и сват министру!

– Нам все равно нужны деньги, – произнес Пилюгин, и Кузе показалось, что он слышит умоляющие нотки в его голосе. – У нас дом не достроен, пол-отделения в общежитии живет! Дом же паевой, нам нужно деньги вносить! А откуда я их возьму, если ты все мои заказы...

– А вот это мне по барабану, – перебил его Кузя, – где ты их возьмешь! Я сам в общежитии пятнадцать лет живу, и ничего, все у меня нормально! И остальные пусть поживут! Ты-то чего переживаешь, Димон? Ты же сам в полном шоколаде!

– Стоп, – приказал Хохлов. – Димон, это что значит? Неужели мой заказ не будет выполнен?! Осталось три недели до моей поездки на завод!

– Подожди, – попросил Пилюгин, – подожди, Мить, мы же еще ни о чем не договорились!

– Считай, что договорились! – сказал Кузя, сел и опять стал листать журнал. – В моем отделении коммерции никогда не будет!

Он пролистал несколько страничек и добавил громко:

– О! Опять бабы голые! Слушай, Митяй, а ты интернетскую порнуху смотришь?..

– Я тебя убью, – вдруг отчетливо выговорил Пилюгин, быстро подошел и неловким движением стукнул Кузю по уху. Тот – от изумления, наверное, – ойкнул, завалился на бок и взялся за голову.

– Э! Э! – предостерегающе начал Хохлов, когда Пилюгин полез за завалившимся Кузей на диван с явным намерением еще раз ему двинуть. – Димон, ты что?! Ты чего?! Кончай, Димон! Хорошо, тебе говорят! Вот ё-моё!

На диване продолжалась потасовка, совсем не мужская, а какая-то кошачья – там что-то возилось, двигалось, пищало и перекатывалось с боку на бок!..

Хохлов глупо бегал вокруг и пытался оторвать закадычных друзей и коллег друг от друга, и все ему не удавалось, но потом он вдруг сообразил, как нужно действовать, тоже залез на диван и моментально разбросал их в разные стороны.

Они тяжело дышали и косили бешеными глазами. У Кузи ухо было красным, и воротник коричневого свитера с одной стороны оторван. У Пилюгина красной была щека и весь вид помятый.

– Оборзели?! – спросил Хохлов. – Совсем?!

В это время Кузя приподнялся и потянулся, потом ухватил Пилюгина за рубаху и рванул так, что сильно затрещало, и Хохлов съездил ему по руке. Рука убралась.

– А чего он лезет?! – через некоторое время спросил Кузя. – Это он первый начал!

– Убью, – тяжело дыша, пообещал Пилюгин еще раз. – Ты мне жить не даешь, скотина! Нормально работать не даешь!

– Да что ты знаешь про работу!..

– А ты что знаешь!..

– Молчать! – гаркнул Хохлов. – Молчать и слушать сюда!

Заглянула Ольга, быстро окинула взглядом поле недавней битвы и нынешнюю диспозицию и опять убралась, дверь за ней плотно затворилась.

– Значит, так, – объявил Хохлов. – Плевать я хотел на ваши... внутренние противоречия. Мне заказали трубы для газопровода. Заказчик у меня серьезный. Завод должен эти трубы сделать, и простаивать он не может. Если я не получу обшеты, особенно по прочности, ровно через три недели, я сам лично утоплю в Москве-реке вас обоих. Кому не понятно, поднимите руки!

– Пошел ты!.. – выругался Кузя, дернул шеей и двинул локтем в пространство.

– Все обшеты будут, – сказал Пилюгин одновременно с ним и ничем двигать не стал. – Не волнуйся, Митяй.

– Не волнуйся, черт возьми! Как мне не волноваться, когда вы тут такие коленца выкидываете! И вообще, я сюда ночевать приехал. Я спать хочу, а не демагогию вашу слушать!

– А тебя чего, Галчонок выгнала? – заинтересованно спросил Кузя и перестал тереть пострадавшее в бою ухо.

– Тебе, Кузмин, как будущему молодожену, это, конечно, покажется странным, но никто меня ниоткуда не выгонял, – злобно сказал Хохлов. – Димон, я иду спать!

– Ольга тебе постелит.

– Я давно постелила, – раздался из-за двери приглушенный голос. – Вы перестали драться или еще будете?

– А я домой пойду! Чего мне по чужим хоромам ночевать? – заявил Кузя.

– Да тебя и не приглашает никто, – пробормотал Хохлов.

– Я тебя провожу, – предложил Димон Кузе. – Еще два слова скажу!

– Какие еще два слова, все равно ничего... – голосом ломаки и строптивца начал Кузя, но Пилюгин уволок его в коридор, и бормотание стало неразборчивым.

– Всем пока! – неизвестно зачем объявил Хохлов и потащился по широкому и светлому коридору в сторону гостевой спальни, где он тысячу раз ночевал, трезвый, пьяный, счастливый, несчастный, озлобленный на весь мир, любящий все человечество, раздавленный в прах, готовый к свершениям, унылый, веселый, какой угодно.

В спальне он стянул с себя одежду, пошвырял ее в кресло, решил, что душ принимать не станет – все равно ведь спать одному! Стоя в одних трусах, изучил себя в зеркале, очень от этого расстроился, упал на кровать и стал думать о том, что Кузя кретин, а у Димона, пожалуй, сложное положение.

Еще он подумал о том, что у него самого тоже положение не так чтобы суперлюкс, потому что пролететь с таким заказом, как фанера над Парижем, он не может себе позволить, значит, должен или прибить Кузю насмерть, или найти другую контору для обчета его драгоценных труб, а времени на это оставалось маловато. Да еще и не всякой конторе такие сложные расчеты можно доверить.

Еще Хохлов подумал о том, что Родионовна тоже влипла, потому что жить с Кузей невозможно, он лампочку и ту не умеет вкрутить, и даже думать об их совместной жизни противно, и Хохлов решил не думать, но все-таки думал, а потом пришел Кузя и стал вкручивать в люстру лампочку с противным продолжительным звуком – вж-жик, вж-жик...

– Пошел ты!.. – сказал ему Хохлов и проснулся.

В комнате не было никакого Кузи, и лампочек, как это ни странно, никто не вкручивал. Из кучи одежды, валявшейся на кресле, звонил мобильный телефон, заходилась длинным жужжанием.

Хохлов посмотрел на часы. Третий час – самое глухое и мрачное ночное время.

Кого разбирает звонить в третьем часу ночи ему на мобильный?! Или номером ошиблись?!

Сделав над собой все необходимые усилия, он выбрался из теплой постели, увяз ногой в одеяле – в этом доме любили толстые, теплые, безразмерные одеяла – и взял трубку в ту секунду, когда телефон перестал звонить.

«Непринятый вызов» было написано на экранчике, и Хохлов собрался было послать телефон куда подальше, но тут снова зажужжало – вж-ж, вж-ж!..

– Але! – сказал он в трубку. – Але, чего вам надо среди ночи?!

– Хохлов? – спросили из трубки очень по-деловому и как-то буднично, словно не было ничего странного в том, что у человека в третьем часу из мобильного телефона спрашивают фамилию.

С Хохлова мигом слетел весь сон:

– Да.

– Дмитрий Петрович?

Он помедлил.

Мать или отец, пронеслось в голове стремительно и закрутилось водоворотом. Кто из них?..

– Але, это Хохлов Дмитрий Петрович?

– Да.

– Так приезжайте. Контору вашу ограбили.

Хохлов ничего не понял.

– Вы чего, не проснетесь никак, что ли? Из милиции с вами говорят! Приезжайте, ограбили вашу контору! Сигнализация сработала! Без вас мы не обойдемся. А вы где? Далеко?

От облегчения, оттого что – господи, спасибо тебе! – всего-навсего ограбили его контору, Хохлов сел в кресло, прямо на кучу одежды, и вытер совершенно сухой лоб.

– Але, вы меня не слышите? Или слышите?!

– Слышу.

– Вы где? Долго вам ехать?

– Пять минут, – ответил Хохлов. – Сейчас приеду. А вы ничего не путаете? Точно мою контору ограбили?

– Послушайте, мужчина, – сказал голос в трубке, – мы ничего не путаем. Офис научно-производственного объединения «Технологии-21» по адресу: улица академика Иоффе, один. Это ваш?

– Мой, – признался Хохлов. – А правда, «Технологии-21» глупейшее название?

Он еще не отошел от испуга, но голос в трубке не мог этого знать.

– Чего?

– Ничего, извините, – быстро сказал Хохлов. – Я буду минут через пятнадцать, я тут недалеко.

– Да уж постарайтесь.

Он быстро одевался и ни о чем не думал.

Ну, ограбили и ограбили, мало ли что!.. А может, ложная тревога. Впрочем, у него в конторе и красть особенно нечего! Офис – несколько комнат, где сидят секретарша, несколько инженеров, парочка юристов, Лавровский, работа которого заключается в том, что он должен обновлять и корректировать сайт компании, и престарелая бухгалтерша в шали и пластмассовых очках. Бухгалтершей Хохлов особенно гордился, потому что она была коршуном. Орлом она была. Вернее, орлицей.

Вальмира Александровна – так ее звали, и, видит бог, она решительно не могла бы быть Марией Ивановной или Настасьей Петровной. Она являлась виртуозом бухгалтерских отчетов, и нынешние профурсетки в подметки ей не годились! Она знала наизусть все нормативные акты, все формы отчетности и все время с энтузиазмом познавала новые, как поэму читала. Она вела дела Хохлова с филигранной четкостью, как турецкий лоцман ведет по Босфору американский авианосец, и ни разу не напоролась на мель. Хохлов знал по крайней мере два случая, когда нечистые на руку конкуренты, акулы капитализма, так сказать, пытались подкупами и посулами переманить могущественную Вальмиру на свою сторону, но она осталась ему верна, и эта ее вера щедро оплачивалась шефом. На Восьмое марта Хохлов первым делом покупал подарок ей, а уж потом всем остальным женщинам его жизни.

Он улыбнулся, натягивая штаны. А если и в самом деле украли что-то нужное?.. Компьютер, к примеру, или ее драгоценную бухгалтерскую базу? Вот тогда будет шум на весь мир, вот тогда она себя покажет, его любимая и незаменимая! Придется ментам на самом деле жуликов поискать, иначе орлица Вальмира их живьем склюет!

Он натянул свитер, на ощупь умылся в ближайшей ванной, вытерся полотенцем для рук, выдавил на указательный палец немного пасты и потер зубы – почистил вроде. Чище они, конечно, не стали, но во рту посвежело, и на том спасибо!

Он вышел в коридор, постоял, прислушиваясь, и, крадучись, стал пробираться к двери.

Где у них свет зажигается, слева или справа? Забыл! Станет искать, еще свалит чего-нибудь, всех перебудит! Вроде слева. Или нет, справа! Это когда заходишь в квартиру, то слева, а если с этой стороны...

– Митяй?! – Шепот был громкий, театральный такой шепот.

– Не ори.

– Я не ору! А ты гулять, что ли, собрался?!

– Свет слева или справа? – спросил Хохлов, и Пилюгин подошел и зажег свет.

– Ты чего, лунатик, Хохлов?!

– Мне сейчас менты позвонили. – Он быстро обувался и на Пилюгина не смотрел, а зря. При слове «менты» генеральный менеджер научного отделения как-то странно и театрально подался назад, налетел на вазу, та зашаталась, загремела, и они оба с двух сторон кинулись и подхватили ее, чтобы не упала.

- Ты чего, Димон?
- А что... случилось?
- Говорят, контору мою... того... Грабанули.
- Как?!
- Да откуда я знаю – как?! Короче, я поехал.

Пилюгин смотрел растерянно, словно ждал известий о начале третьей мировой войны, а оказалось, что разведка ошиблась и грядет не третья мировая, а митинг пенсионеров в защиту коммунистов Монголии.

– Подожди, – сказал он после некоторой паузы и помотал головой, будто стряхивая навязание, – я с тобой. Мне только одеться нужно.

– Ничего тебе не нужно. Иди, ложись.

– Митяй, я с тобой.

– Да не надо мне твоих геройств! – сказал Хохлов сердитым шепотом. – Ехать две минуты, машина под окном, ничего со мной не случится! Давай, все, пока, Димон!

Он одернул курточку «суперагента», тщательно обмотал шею клетчатым шарфом, натянул перчатки, заправил их под манжеты и только после этого вышел за дверь.

В подъезде было непривычно холодно, и чувствовалось, что за кирпичными стенами – Великая Стужа. Хохлов заранее поежился и натянул на голову капюшон, и все равно мороз, вломившийся с улицы в дверной проем, дохнул в лицо, пробрал до костей.

– У-ух! – проревел Хохлов и щелкнул зубами.

Кожа на лице затвердела, и скальп, кажется, затвердел тоже. Курточка зашуршала, как бумажная, – промерзла моментально и насквозь. То, что было ниже курточки, привычно и болезненно задеревенело. Хохлов сначала быстро шел, а потом побежал к своей машине, но бежать было тяжело – мороз не давал дышать, Хохлов закрыл перчаткой рот и нос и вновь перешел на шаг.

Грядет второй Ледниковый период. Динозавры и прочие, кто не сумеет приспособиться, вымрут, и им на смену придут более совершенные существа. Про себя Хохлов знал, что точно вымрет, особенно если в ближайшее время не сменит курточку на бараний тулуп или медвежью доху. Что там у нас думают защитники природы относительно тулупов и шуб? Каким таким синтетическим мехом можно прикрыть замерзающее тело, когда мороз тридцать градусов держится уже полтора месяца, и вечная мерзлота воцарилась вокруг – промерзли асфальт, земля, стены домов?! Когда изобретут искусственный мех, который будет греть, как настоящий, и сколько на его изобретение пойдет так называемых «технологических усилий»? То есть сколько нужно будет света, тепла, электричества – суть нефти, газа и воды?! И как именно станут работать химический завод, производящий этот самый греющий искусственный полимер, и как именно этот завод станет загрязнять окружающую среду, какую воду он начнет сливать в очередное озеро Байкал и какой дым выпускать в атмосферу?!

Профессор Авербах Виктор Ильич, когда-то преподававший у них в аспирантуре газодинамику, любил повторять, что величие человеческого разума подчас заключается вовсе не в том, чтобы сделать сумасшедшее научное открытие, а в том, чтобы вовремя остановиться и никакого открытия вовсе не делать, если последствия его туманны и непонятно, как оно повлияет на дальнейшую жизнь всего прогрессивного человечества.

Правда, добавлял Виктор Ильич, справедливости ради нужно заметить, что история не знает таких примеров. Любопытство всегда оказывается сильнее здравого смысла, и осознание того, что ответ на вопрос вот-вот будет найден, полностью затмевает осознание чудовищности самого вопроса.

Кое-как, не с первой попытки, Хохлов вставил ключ в замок и потянул дверь на себя, и конечно, она не открылась, потому что примерзла, и он стал дергать ее и потряхивать, очень осторожно, чтобы не оторвать ручку. С ним уже была такая история, и пока на сервисе ручку

не приделали обратно, он влезал в джип через багажную дверь. Наверное, с неделю так лазал. У дома на него никто не обращал внимания, а вот у конторы, когда он появлялся из багажника, сдавая задом и нащупывая ботинком землю, все сотрудники радовались и даже специально выходили посмотреть, как начальник «дает гастрологи», и приводили своих знакомых.

А что он станет делать, если машина не заведется?.. Вот что делать? Пешком не дойти – замерзнешь, как Скотт во льдах Антарктики, в четырехстах метрах от человеческого жилья!

А ничего я тогда не стану делать, решил Хохлов и повернул в зажигании ключ. Не поеду, и все. Вернусь к Пилюгиным досыпать. Там тепло, одеяло громадное, как парашют, и уютное, как плюшевый мишка, и наплевать мне на все, красть в конторе особо нечего!..

Машина завелась – умница, хоть и старушка! И в тот момент, когда двигатель вдруг закашлялся, а потом все-таки заурчал, утробно, устойчиво, он вспомнил.

Вспомнил, и пот прошиб его, несмотря на мороз.

В сейфе лежат деньги, целая куча. Как он мог про них позабыть?!

Третьего дня он оставил в сейфе сто тысяч североамериканских долларов в толстеньких, упитанных пачках, перетянутых банковскими резинками. Он оставил их в офисе, потому что банк, в котором обслуживались Хохлов и его контора, был в Москве, а в столицу, хоть до нее всего двадцать три километра, он наведывался не каждый день.

Целый пакет денег, господи Иисусе!.. На пакете нарисованы синие розы и лиловые ромашки, а внутри – сто тысяч долларов!

Хохлов нажал на газ и, поминутно оглядываясь, стал подавать назад, ничего не видя сквозь замерзшее стекло.

«Если украли деньги...» – начал было думать Хохлов и до конца недодумал. У него наступал короткий мозговой паралич, как только он представлял себе, что денег в сейфе нет. Украли.

Он выехал на пустую улицу с желтым пятном света единственного фонаря и нажал на газ. Снег под фонарем лежал белой плотной неживой массой, не искрился и не играл, должно быть, от мороза.

Городок спал – в столичных пригородах спать ложатся рано и спят крепко, потому что нет в них ночных клубов, казино и открытых до утра дансингов. Только залы игровых автоматов, призывно сияющие солнцами, молниями и «зигзагами удачи», но у жителей денежек, как правило, не слишком много, и они спускают их менее охотно, чем в столице.

Памятник Циолковскому в серой морозной пленке казался не таким громадным и чуть более человечным, как будто каменное изваяние съезжилось от холода на своем пьедестале. Сквер был совершенно темен и от того похож на Шервудский лес – непроходимая чаща посреди спящих домов. На его освещение средств всегда не хватало, и почему-то иллюминированным оказалось только одно дерево на самом углу. Голые, обмороженные ветки были кое-как опутаны гирляндой. Гирлянда горела синим больничным огнем, и Хохлову казалось, что весь городок – это огромная больничная палата, а на углу, где дерево, медсестринский пост.

Он свернул направо, на центральную улицу имени Жуковского. Улица была длинная и прямая и упиралась прямо в небо, подсвеченное снизу лихорадочным желтым заревом. Там была Москва, вечно не спящая, громадная, ледяная, взбудораженная, прорезанная автомобильными фарами и закованная в транспортные кольца, ночью гораздо более опасная, чем днем, и гораздо более притягательная – ибо «ложишься спать с красавицей, а встаешь с трактирщицей»!

Хохлов думал обо всем этом, только чтобы не думать о деньгах, оставленных в конторском сейфе, а потом, свернув налево, увидел милицейский «газик» и...

... и проснулась от того, что сильно хлопнула входная дверь и с улицы ворвался морозный воздух и закрубился, как в черно-белом кино про сибирские стройки.

Комендантша общежития баба Вера страсть как любила черно-белые фильмы про стройки.

Она зевнула, проворно спустила ноги с топчана, поправила коричневый пуховой платок, завязанный крест-накрест, и выглянула из-за фанерной перегородки.

– Кто там?

Человек, вошедший с улицы, сразу не ответил, и баба Вера, не признавая его, переспросила еще строже:

– Вы куды?!

– Сюды, – ответил человек сердито, и тут она его признала.

– Чегой-то поздненько возвращаешься сегодня, Борисыч!

– Нормально, баб Вер!

– Или симпатию какую на стороне завел? Гляди, Борисыч, охомутают тебя, глазом моргнуть не успеешь, как Витюшку, сыночка мово!

Витюшке полтинник стукнул уже давно, баба Вера и сама точно не могла вспомнить, когда именно, и он числился водопроводчиком в той самой жилконторе, которой принадлежало общежитие.

Спина удалялась в сторону лестницы, и баба Вера вдруг спохватилась, что забыла передать важную информацию.

– Стой, стой, Борисыч!

– Чего?

– До тебе бывшая жена приходила, днем еще! Говорю ей, нету его, он об эту пору еще на работе!

– И чего?

– И не пустила ее! Чего она шастать будет, когда ты работу работаешь!

– Ну, и правильно сделала, что не пустила!

– И еще бумага пришла. Но та не сама, ту почтальонша принесла и велела тебе лично в руки вручить. И еще говорит мне: ты, мол, за этой бумагой полную ответственность несешь! А я ей: да, может, он в мое дежурство и не объявится, куды ж тогда я ее дену, если я за ней ответственная! Ящика железного у меня нету, и не для того я здесь поставлена, чтобы бумажки всякие хранить! А она мне... Да постой, куды ж ты пошел?!

– Некогда мне, баб Вер. Устал я. Завтра заберу.

– Как завтрева, когда велено сегодня?! Ты мне голову не морочь, гражданин Кузмин! Ты есть здесь проживающий, и до тебе бумажка пришла, и сказано на ней русским по белому – Кузмину Дмитрию Борисычу! А как ты и есть Кузмин Дмитрий Борисыч, так и забирай свою бумажку!

Но Кузя только посмотрел на нее с лестницы, повернулся, поправил серый кроличий треух, который носил еще с институтских времен, и пошел себе наверх, помахивая портфельчиком.

Бабу Веру от такой наглости жильца чуть удар не хватил.

Вы поглядите на него, люди добрые! Ни спасибо тебе, баба Вера, возьми вот полтинничек за службу, ни уважения, ни понятия! Сказано ему – заberi бумажку, а он пошел себе, да еще таким гоголем!..

Баба Вера толком не знала, что такое «пошел гоголем». Когда Витюшка еще в школу бегал, ему в библиотеке книгу дали, и на ней это смешное слово было написано: «Го-голь», вот ей-богу! И портрет носатого какого-то, видать, книжка была про этого самого, про носатого, и толстая такая!.. А может, и не про носатого, а про мертвецов, потому что в названии души усопших поминались. Витюшка книжку читать не стал, а муж Василий, который тогда еще живой был, по пьянке поставил на нее сковороду с салом, и обложка почернела маленько.

Потом в библиотеке бабу Веру за обложку пробрали, вот она и запомнила оттуда этого самого Гоголя!

– Сказано тебе, возьми у мене бумажку, а ты чего?! Пошел сразу! Обленился вконец, ко мне, пожилому человеку, на три ступеньки спуститься не можешь!

– Не ори, баб Вер!

– Я тебе не «баб Вер», а дежурная! И у мене для тебе бумажка! А мне за ней отвечать неохота! Развелось тут вас, бездельников! И ежели каждому бумажки станут приносить, а баба Вера знай забирай и таскай вам?!

– Спокойной ночи, баб Вер!

И не оглянулся, и не спустился, и конверт не взял! Откуда только гонор у них, у образованных этих?! Всю жизнь в общаге провел, как самый последний алкаш, шапка двадцать лет одна и та же, жена от него сбежала, а он туда же!.. Некогда ему, видите ли, завтра заберет! Умаялся больно! Сидит с утра до ночи на стуле, вон задница от сидения вся залоснилась!

Все это примерно в таком порядке, а может, чуть в другом, баба Вера прокричала в лестничный пролет, задирая голову, с которой падал пуховой платок, и она придерживала его рукой. Кузю она не видела, но слышала, как он поднимается. Лампочки с лестницы всегда воровали, и нынче горела только одна, на первом этаже, а жил Дмитрий Борисович на третьем!

– И ты ко мне больше звонить не являйся! – выпустила последний заряд баба Вера. – Не пушшу!

Платок упал окончательно, она деловито натянула его, заправила жидкие пряди за уши, промаршировала к двери, из-под которой сочился мороз, и поплотнее ее прикрыла.

Как же!.. Пустит она теперь этого Кузмина к телефону! Кукиш с маслом! И баба Вера сложила этот самый кукиш – довольно увесистый – и потрясла им в сторону лестничного проема. А Кузмин частенько позвонить просится, небось с мобильного-то дорого ему встает, вот он и шастает к городскому. Говорит, руководство у него в Москве! А какое такое у него руководство, когда он как есть чистый бездельник, все только на заднице сидит и руками ничего не работает!

В то, что существует некая деятельность, которая требует работы головой, баба Вера сроду не верила. Взять, к примеру, писателя! Ну, что это за работа такая, скажите, люди добрые?! В смену ему не выходить, в каморке не ночевать, трубы гнилые, как вон Витюшке приходится, голыми руками не крутить! Сидит себе, писатель-то, и пишет, и пишет на бумажке. Кто его знает, чего он там пишет? Да никто и не смотрит небось! А может, он просто книжку толстую переписывает, а как перепишет, так несет в типографию, а ему там денег отваливают! Никто ж не догадается, что он из другой книжки переписал! А раньше, при советской власти, так бывало, что писатель возьмет, да и против правительства напишет! Ну, тогда порядок был, тогда за такие дела – раз, и по месту назначения! Судили их, всяких писателей-то! А все почему? Потому что народ они не крепкий, руками не работают, вот от безделья и лезет в голову чума болотная! В прежние времена баба Вера этого самого Борисыча и в общежитие не допустила бы! Пришел после двадцати трех ноль-ноль, ночуй где знаешь! И жалобу в местком – общественный порядок, мол, нарушал! Пойди отмойся! А сейчас что такое?! Приходи, когда хочешь, уходи, когда вздумаешь, за бумажкой и то не спустился даже!

Баба Вера фыркнула, пристроилась на топчан и свет от настольной лампы прикрыла вчерашней газетой. Газета называлась «Городские вести», и в ней часто давали беседы с разными интересными людьми. Вот во вчерашней – баба Вера скосила глаза на страницу, длинно зевнула и перекрестила рот – беседовали с ясновидящей одной. И сказала она, что скоро уж, скоро всадник на огненном коне явится, а следом за ним разверзнется геенна огненная. Всем людям велела каждое утро выпивать по ложке репейного масла, для очищения. Как раз к концу света успеешь очиститься, только где ж его нынче взять, масло-то репейное?! Небось «новые русские» все попили, но им-то вовек не очиститься!

Где-то наверху грохнуло что-то тяжелое, и баба Вера прислушалась, выпростав ухо из платка. По радио играли гимн, и баба Вера радиоточку приглушила.

Показалось? Или опять на четвертом Серега Почкин, по прозвищу Тля, жену Маринку на воспитание взял?

Грохот больше не повторялся, и баба Вера успокоилась, зато стал слышен неясный шум, как будто бегал кто-то, а может, двигалось что-то тяжелое. Не иначе Тля Маринку по полу за волосы таскает, решила баба Вера. Сегодня он с ней по-дружески, по-божески, по-людски. Обычно-то смертным боем бьет, у него за дверью для этой цели полено березовое всегда стоит. Баба Вера сама видела, как он ее этим поленом дубасит и нечеловеческим голосом кричит: «У-у-убью, су-у-ука!» Бьет, да хоть мужик нормальный, не то что Кузмин этот! В заводе деньгу получает и пропивает не все, Маринке подарки покупает, когда не в запое. Вот она его и любит, Маринка-то!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.